

тай Русины въ Галичинѣ и на Украинѣ. Голосъ розбужденного жита сусѣдѣвъ доходитъ и на Подкарпатску Русь та найшовъ добру почву у серцѣ молодого Духновича, котрый тогды кончивъ богословскѣ школы.

Онъ озався тогды громкою пѣснею до своихъ братѣвъ:

Подкарпатскіи Русины оставте глубокий сонъ!..

Чи не видите, что другѣ народы встали? Берѣться до працѣ и орѣть запусѣлу ниву!

Пѣсня та еще нынѣ звучить въ ушахъ каждого Русина, котрый за словами Духновича спѣвае.

Я Русинъ бувъ, есмь и буду,
Я родився Русиномъ.
Честный мой рѣдъ не забуду,
Останусь его сыномъ.

Людей, котрѣ пѣснями до насъ промовляють, звыклы мы называти поетами. Такимъ поетомъ або спѣвцемъ бувъ и Александеръ Духновичъ. Его пѣснѣ промовляють до серця народа, до народного чувства и дають силу до працѣ надъ движеніямъ нашего народа.

Не лишъ загрѣваючѣ до працѣ, пѣснѣ складавъ намъ Духновичъ, але самъ брався до работы и подвигавъ народъ до высшоѣ освѣты. Онъ знавъ, что школа найскорше поведе его для тоѣ цѣли. Тому пише онъ книжки для руськоѣ школы, букварь, граматику, библию та другѣ учебники. Для народа зложивъ зновъ молитвенникъ „Хлѣбъ души“ любленный всѣми не лишъ у насъ, але такожъ и въ Галичинѣ.

Любленный онъ бывъ своимъ народомъ, котрого познавъ ближе, бо окончивши науку, ставъ священникомъ и працювавъ на селѣ. Своею працею добився скоро высокаго становища, бо вже 1843 року ставъ каноникомъ пряшевского собора. Тамъ розвивавъ дальше свою народну дѣяльнѣсть ажъ до смерти т. е. до р. 1865. Чуючи конецъ своему житю, склавъ еще пѣсню, въ котрой просивъ, чтобы его поховали

На Бескидѣ, въ родномъ краю,
Въ томъ для мене милѣмъ раю,
Гдемъ узрѣвъ свѣтъ...

П.

АЛЕКСАНДЕРЪ ДУХНОВИЧЪ:

ЛЕБЕДИНАЯ ПѢСНЯ.

Ой дитята, соколята,
Змагайтесь на крылята!
Бо я уже соколъ старый,
Ужъ мнѣ крыла поламаны.
Совершивъ я мою жизнь,
Днесъ пою послѣдну пѣснь;
Пѣснь послѣдну для васъ милыхъ,
Соколикѡвъ сизокрылыхъ,

На Бескидѣ, въ роднѡмъ краю,
Въ тѡмъ для мене милѡмъ раю,
Где узрѣвъ я свѣтъ, тамъ лежати
Хочу, вѣчно спочивати,
Схороните мя въ дубравѣ,
При скалахъ; въ густѡй темрявѣ.
Сами здоровѣ спѣвайте,
И на батька памятайте!

Заяць и Медвѣдь.

Живъ собѣ въ однѡмъ лѣсѣ Медвѣдь, та такій дужій та лютий, що не приведи Господи! Пѡйде було по лѣсѣ и дусить та роздирае все, что здибле: одно зѣсть, а десятеро й такъ покине, тѡлько дармо жита збавить. Лѣсъ бувъ великій и звѣрины въ нѣмъ богато, та про те страхъ пѡшовъ на всѣхъ. Аджежъ такъ и року не мине, а въ цѣлѡмъ лѣсѣ души живоѣ не лишиться, коли Бурмило буде такъ господарювати. Рада въ раду, присудили звѣрѣ такій способъ. Выслали до Медведя депутацію и велѣли ему сказати:

— Великоможный нашъ дѣдичу, пане Медведю! Почто ты такъ знушаешься? Одного зѣѣшь, а десятиохъ зо злости розѡдрешъ и покинешъ? Адже такъ до року, то и души живоѣ въ лѣсѣ не стане. Лѣпше ты ось что зроби. Сиди собѣ спокойно въ своѣй гаврѣ, а мы тобѣ будеме каждый день присылати одного изъ|межи насъ, чтобы ты его зѣѣвъ.

Выслухавъ Медвѣдь тоѣ мовы, тай каже:

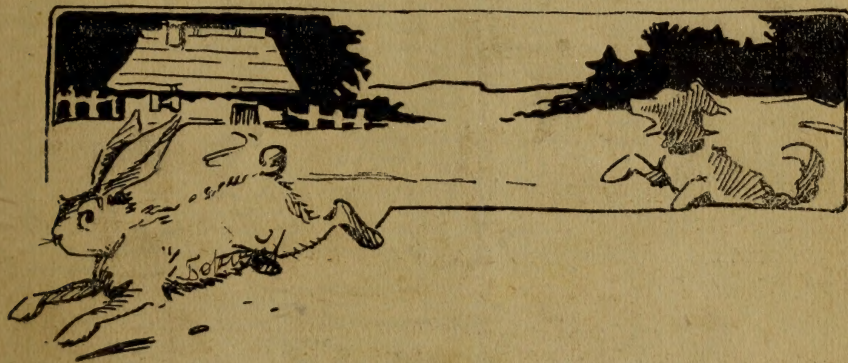
— Добре! Але памятайте собѣ, якъ мене хоть одного дня ошукаете, то я васъ усѣхъ пороздираю!

Одъ того дня почали звѣрѣ день поза день посылати Медведеви одного зъ межи себе на страву. Чи трапиться старе та немочне, чи бѣдна вдовиця, котрѡй и жити не хочеться на свѣтѣ, чи дурновате яке вдасться и не умѣе собѣ рады дати на свѣтѣ, заразъ звѣрѣ посылають се до Медведя, а той не пытае, розорве тай харчуется собѣ спокойно.

Далѣ не стало вже старыхъ, дурныхъ та осиротѣлыхъ, прійшлося выбирати изъ такихъ, что имъ не хотѣлося вмирати. Почали кидати

день у день жеребъ: на кого впавъ жеребъ, той мусѣвъ ити до Медведя и датися ему зѣѣсти.

Одного дня выпавъ жеребъ на Заяця. Перелякався бѣдный Заяць такъ, что не суди Боже, та что было робити? Ходили другѣ, мусить и онѣ. И не змагався, только выпросивъ собѣ годинку часу, абы съ жѣнкою и дѣточками попрощатися. Та поки тамъ жѣнку знайшовъ, поки всю свою сѣмью скликавъ, поки попрощалися та наплакалися та наобѣймалися, то вже сонце геть съ полудня звернуло. Вконцѣ прійшлося Заяцеви рушати въ дорогу. Иде бѣдолаха до медвежоѣ гавры.

Та не думайте, что иде заячимъ крокомъ-скокомъ, что бѣжить вѣтрови на здогонѣ! Гай, гай! Теперь бѣдному Заяцеви не до скокѣвъ! Иде нога поза ногу, иде тай постойкуе, та все ряснѣ слѣзы втирае, та зѣтхае такъ, что ажъ лѣсомъ луна йде. Ажъ ось бачить, середѣ лѣса криниця камяна, оцямрована, а въ низу вода глубока...

Ставъ Заяць надѣ цямриною, заглядае въ низъ, а его слезы капъ-капъ у воду. Та побачивши у водѣ свою подобу, почавъ їй придивлятися уважно, и наразѣ повеселѣвъ и ажъ пѣдскачивъ изъ радости. Въ его головѣ заблисла щаслива думка, якъ бы ему й самому одѣ смерти уратоватися и всѣхъ звѣрѣвъ выбавити одѣ сего лютого та безрозумного Медведя. И вже не плачучи и не зѣтхаючи, а что духу бѣжучи, онѣ поспѣшавъ до медвежоѣ гавры.

Было вже близько вечера. Медвѣдь весь день сидѣвъ у своѣй гаврѣ та ждавъ, коли то звѣрѣ пришлоуть ему когось на обѣдѣ. Ждавъ и не мѣгъ нѣкого дождатися. Голодѣ почавъ ему докучати и разомъ зѣ голодомъ почала злость подступати пѣдѣ сердце.

— Что то значить, — ревѣвъ Медвѣдь. — Что они собѣ думаютъ? Чи забули про мене, чи може имѣ здаеся, что одною вороною я маю

бути два дни сытый? О, проклятѣ звѣрѣ! Коли менѣ въ той хвилѣ не прійде одѣ нихъ страва, то клянуся букомъ и берестомъ, что завтра скоро свѣтъ вырешу до лѣса и повидушую все, что въ нѣмъ е живого, и одного хвоста не лишу!

Та минала хвиля за хвилею, година за годиною, а страва не йшла. Надъ вечѣръ уже Медвѣдь не знавъ, что зъ собою зроби́ти зъ голоду и люто́сти. Въ такѣмъ настрою заставъ его Заяць.

— Га, ты помано, ты хлистуку, ты гусяче повѣтря! — кричавъ на него Медвѣдь. — Что ты собѣ думаешь, что такъ пѣзно приходишь? То я на тебе, такого комаря, маю цѣлый день о голодѣ ждати?

Затремтѣвъ Заяць, почувши медвежій крикъ и тѣ его слова, та по хвили стямився и станувши на заднихъ лапкахъ передъ Медведемъ, промовивъ якъ мѣгъ найчемнѣйше:

— Великоможный пане дѣдичу! Не моя въ томъ вина, что такъ пѣзно приходжу. И звѣрѣвъ не можешь винувати. Нынѣ въ день твоихъ имянинъ, они ще досвѣта зѣбравшиися вилььосували були для тебе насть

Покличу я у хижу
Сиротоньку маленьку,
Дамъ хлѣба, дамъ одежу
тепленьку.

Положу въ теплѣ спати,
Най ѣй солодко спиться.
Може ѣй рѣдна мати
присниться!

Бѣлка.

Вовкѣ лежавъ подъ деревомъ и спавъ. Бѣлка скакала по дереву и упала на вовка. Вовкѣ прокинувся и хотѣвъ еѣ зѣсти. Бѣлка почала просити: „Пусти мене!“ Вовкѣ сказавъ: „Добре! я пушу тебе, толь-

ко ты скажи менѣ: чого вы бѣлки такѣ веселѣ? Менѣ завсѣгды нудьга, а вы все тамъ у горѣ бавитесь та скачете“. Бѣлка одповѣла: „Спершу пусти на дерево, тогды й скажу, а то я тебе боюся“. Вовкѣ бувъ неголодный и пустивъ.

Бѣлка поскакала на дерево и одти сказала: „Тобѣ тымъ нудьга, что ты злый. Тобѣ злѣсть сердце палить. А мы веселѣ тымъ, что намъ нѣколи не хочеться зла робити.“

Якъ зимують звѣрь.

Настае осѣнь. Опадае листь зъ дерева. Трава мерзне, вяне, сохне. Холодный вѣтеръ вѣе, дощъ холодный якъ черезъ сито сѣе безъ перестанку. Починаются морозы. Все, что живе, журиться, якъ зиму прожити.

Домашня скотина та птиця загинулибы зъ холоду и голоду, колибы чоловѣкъ не постарався про нихъ. Онъ дае имъ притулокъ у стайнѣ и въ хлѣвѣ, онъ ихъ годуе, доглядае и сокотитъ. Но дакотрому сотворѣню стае зимою труднѣйше. Хижій звѣрь, что мясомъ живить-ся, — вовкъ, лисиця — ховається въ нору або, въ пушу и лишъ по добычу выбѣгае зъ вѣдти. Ловлять они меншого звѣря: якъ отъ заяця або и бѣльшого, часомъ навѣтъ домашнього скота — коня, корову, свиню, овцю. Деякъ изъ звѣрѣвъ, наприкладъ медвѣдь, засыпляють на зиму, а прокидаються ажъ зъ весною. Тогда вылазять они худѣ и выснаженѣ послѣ довгого посту. Суть зновъ и такѣ звѣрѣ, котрѣ и лѣтомъ на зиму памятають. Бѣлка все лѣто носить орѣшки и жолудѣ въ свое дупло, той не бѣдуе зимою. Но тяжко приходитъ бѣдному зайчикови зиму зимовати. Не стало листь на деревьяхъ, травы на землѣ — не стало й ему захисту, бо теперь чи звѣрь хижій, чи птиця легче его заглянуть. Ъду мусить онъ здобувати собѣ изъ подъ снѣгу. А якъ глубокий снѣгъ припаде, голодный зайчикъ гризе молодую кору на деревьяхъ. Часомъ забѣжитъ у садокъ та погризе, попсуе молодѣ садовѣ дерева. А якъ бѣда притисне, то похливый зайчикъ такоѣ смѣливости набереться, что и до оборога та сто доли прискаче и не одинъ колосокъ укусне. Такъ бѣдуючи, ждуть звѣрѣ ясноѣ весны и теплого лѣта.

МАРІЯ ПОДГОРЯНКА:

ЗАЙЧИКЪ.

А нашъ зайчикъ въ лѣсѣ спавъ,
Ажъ тутъ зъ гукомъ стрѣлъ упавъ.
Пифъ, пафъ, пифъ, пафъ,
Ажъ тутъ зъ гукомъ стрѣлъ упавъ.

А нашъ зайчикъ весь дрожить,
Ажъ тутъ за нимъ песь бѣжитъ,

Гавъ, гавъ, гавъ, гавъ,
Ажъ тутъ за нимъ песь бѣжить.

Вже зайчику по тобѣ!
Чась думати о собѣ!
Бимъ, бамъ, бимъ, бамъ,
Чась думати о собѣ!

Ой ще менѣ не дзвонѣть,
Бо ще менѣ милый свѣтъ!
Микъ, смикъ, микъ, смикъ,
Тай и стративъ песикъ слѣдъ.

Мартова баба.

Переказъ изъ гуцульской Верховины.

Въ одной хатѣ села Ясѣня жила баба съ невѣсткою. А була она дуже люта на свою невѣстку. Разъ въ мѣсяци мартѣ, якъ троха потеплѣло, сказала баба невѣстцѣ:

— Йди и принеси менѣ малинь.

Невѣстка здивувалася и каже:

— А дежъ теперъ е малины?

Але баба не дала собѣ говорити, бо хотѣла збутися невѣстки.

— Мусишь узбирати малинь, бо якъ нѣ, то тебе страчу, убью!

Хоть якъ просила еѣ невѣстка, не помогло, таки мусѣла йти. И пошла плачучи горами та скалами, куды еѣ очи понесли. Тымчасомъ на горы сѣла така мрака, что свѣта не видко и дуже постуденѣло. Иде невѣстка и тяжко плаче. Прийшла у Дурну Кичеру на гору. Тамъ лѣсъ такій, что якъ кто у него зайде, то не може выйти. Зойшла у долину на потѣкъ; звѣдтамъ на рѣжу (таку поляну межи лѣсами). Въ одномъ изворѣ (дебрѣ) побачила ватерку (огонь) подъ смерекою. Коло тоѣ ватры сидѣли трое людей, грѣлися и курили люльки. Невѣстка вже дуже змерзла, подойшла и собѣ до ватры загрѣтися. Что то за люде — не знала, чи добрѣ, чи злѣ. Приходить до тыхъ людей, плачучи. А люде звѣдуються:

— Чого ты молодежи плачешь? Что у зимѣ шукаешь?

Невѣстка одповѣла зѣ слезами въ очахъ:

— Якъ менѣ не плакати, коли мене баба послала, чтобы я малинъ назбирала! Якъ не назбираю малинъ, то не буду жити на свѣтѣ. А я ходжу, шукаю, заблудила въ лѣсѣ, а то вже далѣ и нѣчь настане. И не знаю, де я зайшла...

А тѣ люде кажутъ:

— Не бѣйся, молодежи, мы тобѣ дамо малинъ.

А то не були звичайнѣ люде, але три товариши: Вѣтеръ, Мѣсяць тай Сонце.

— Наставляй полы! — кажутъ.

Набрали зъ ватри грани и наметали ѣй у подолокъ. Ще и наказували:

— На, неси у хату. Лишъ якъ мешъ нести, чтобы ты не дивилася на тоту грань, доки ажъ бабѣ не подашь. Попамятае баба тотѣ малины!

Подякувала невѣстка красно тымъ людемъ и пошла весела, куды они поправили еѣ на дорогу. Прійшла щасливо до хаты. Баба|сейчасъ зъ крикомъ до неѣ:

— Чи ты принесла малины?

А она каже:

— На, ѣжь! — и высыпала бабѣ у катранъ (фартухъ).

Ажъ тогды побачила, что то не вугля, але наравду малины, та ще такѣ великѣ, якъ грань тай такѣ черленѣ. Взала баба малины, ѣсть тай каже:

— Ну коли е малины у дебряхъ, то и паша буде! Йду я зъ козами у полонину!

А козъ було 12. Баба постригла вѣвцѣ, дала вовну невѣстцѣ, абы пряла, а сама, въ полонину!

Для безпеки взяла на себе 7 сорочокъ, 7 сардаковъ и 7 кожухѣвъ. Кужѣлку зъ кужелею захала за попружку (поясъ). Ще взяла у пазуху флѣору (сѣпѣлку) и пѣшла зъ козами назерцѣ такъ, чтобы еѣ нѣкто и не бачивъ.

Ишла зъ Ясѣня полонинами та нѣ въ однѣмъ мѣсци воду не переходила, бо погнала козы верхами. Лишь дивувалася, что нѣгде малинъ не находить.

Та якъ звичайно у мартѣ, ударила шарга (снѣгъ зъ дощемъ), а потѣмъ настала погана година. Почала промокати верхня одѣжь. Скинула она одинъ кожухъ, бо змокъ та тяжкѣй бувъ. Якъ змокъ другѣй, скине тай далѣ иде. Доти метала, поки не скинула изъ себе й послѣдну сорочку. Лишилася гола на студени. Чтобы не замерзнути, бѣгла скоро. Якъ вѣтеръ на хвилю розогнавъ хмары, еще побачила у долинѣ надъ рѣкою Тисою знакове село Богданъ. Не задержовалася нѣ хвилины,

а бѣгла дальше. Минала горы, озера, скалистѣ шпицѣ; всюды дико и непривѣтно. Снѣгъ на горахъ, хто знае, якій глубокий, але зверха замерзлый и твердый, бо въ полудне троха бувъ надтопився. Опинилася ажъ на полонинѣ, що зовеся Великій Балтагѣръ, або Гнитьеса, де виплывае рѣка Черемошъ. Снѣгъ сыпле якъ зъ мѣха. Якъ студений вѣтеръ завѣявъ, якъ пѣджаливъ бабу, а дощъ ударивъ, буря завила, что й свѣта не было видко — й тамъ баба розгубила козы. Тогды почала грати у флюяру, напередъ тужноѣ, а якъ почуе голосъ козы, то заграе весело. Якъ однайшла козы, что одзывалися на голосъ знакомоѣ флюяры, то поступала помаленьки дальше, бо думала, что до дому вертаеся, доки еще не прійшовъ до неѣ морозъ. Зайшла межи скалы, думаючи, что они заслонять еѣ одъ студени. Сонце сховалося за хмары, а вѣтеръ оббѣгъ докола камѣнця, на якѣмъ она стояла. — Камѣнь почавъ дрожати, а вѣтеръ каже до неѣ:

— Что ты така дурна баба! Выбралася зъ козами на полонину! Теперъ тутъ закаменѣешь.

И баба закаменѣла тымъ разомъ зъ козами, что ишли напередъ неѣ. Передна коза ще перекривила голову на бѣкъ и такъ закаменѣла.

Все то стоитъ и до нынѣ. А что баба передъ смертею заплакала, то зо скалы слезить вода и до теперъ — и се есть перше жерело Черемоша. А вода тота така добра, что одпитися не можна, а чиста якъ слеза. Чтобы яка горяча днина, то вода тамъ така якъ лѣдъ студена.

Одъ того часу, якъ въ мартѣ йде филиями вѣтеръ изъ снѣгомъ, стала межи Гуцулами приповѣдка:

— Се йде мартова баба зъ козами!

Такъ рисуютъ дѣти въ Чехахъ. Спробуйте нарисувати щось подѣбного.

ВЫДАВНИЦТВО
ЖДИМАЛЬ
И
ВЕТЕШНИКЪ
въ УЖГОРОДѢ ул. Варая ч. 32
переняло типографію и администрацію
II. рѣчника часописа
„ВѢНОЧОКЪ“.

Всѣ дописи и предплаты для тоѣ часописа належить
высылати на горѣ поданный адресь.

Та сама фирма мае на складѣ всѣ школьнѣ книги
и потребы по дешевымъ цѣнамъ. Замовляти можна
каждого часу у неѣ. Замовленя сейчасъ
полагаджуються.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПОДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходить 15. каждого мѣсяца окрѣмъ юлія и августа.

Редакторъ: Дръ. ИВ. ПАНЬКЕВИЧЪ. Предплата Кч 12— на рѣкъ. Поодинокое число Кч 1'20.

Выдае Шкѣльный отдѣлъ цивильноѣ управы Подкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, УЖГОРОДЪ, ул. Вараля ч. 32.

Рѣчникъ II. Ужгородъ, 15. февраля (лютого) 1921.

Число 2.

Александръ Павловичъ.

Другимъ чоловѣкомъ на Подкарпатскоѣ Руси, котрый окремъ Духновича черезъ бѣльше якъ 50 лѣтъ трудился для руського народа, бывъ Александръ Павловичъ.

Народился онъ 1819. року въ селѣ Чорнімъ, шаришкоѣ столицѣ, где его отецъ бывъ священникомъ. Но скоро ставъ Павловичъ сиротою. Чотыри роки мавъ онъ, якъ померли ему родичи и бѣдный хлопчикъ мусѣвъ ити до родины своеѣ матери въ Галичину.

Въ Галичинѣ остававъ до 1834 року, а потомъ вернувъ кончити свои школы на Угорщину. Въ 1848 роцѣ покончивъ онъ богословскѣ науки въ Тирнавѣ и высвятився на попа.

Побуть въ Галичинѣ не оставъ безъ слѣда въ душѣ Павловича. Въ 1830-тыхъ рокахъ тамъ зачалося розбуджовати руське народне житя. Руська интеллигенція (священники, учителѣ, урядники) до того часу зо-всѣмъ одчужилася была одъ народа, говорила и писала по польски. Повертати зачала она до свого народа, свого языка одъ часу, коли молодѣ студенты богословія у Львовѣ Маркіянъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ дали собѣ слово говорити и писати лишъ по руськи. Свою постанову они и выконали, бо вже въ 1835 роцѣ выголосивъ Шашкевичъ першу проповѣдь по руськи, а въ 1837 роцѣ выпустили у свѣтъ першу чисто руську книжочку „Русалка Днѣстровая“. Не лишъ Русины въ Галичинѣ збудилися зо сна, але въ томъ часѣ вже заговорили всѣ славянскѣ народы, а найголоснѣйше Чехи та Сербы.

Все то доставалося до вѣдомости молодымъ Русинамъ на давнѣйшѣй Угорщинѣ. Ихъ сердца радовали ся тому, а праця ихъ сусѣдѣвъ за-грѣвала ихъ до работы для забутого руського народа пѣдъ Карпатами.

А вже коли въ 1848 роцѣ Русины галицкѣ одержали и политичну свободу, коли почали выдавати свои часописи, новинки, то молодѣ

Подкарпатскѣ Русины спѣшили на помощь и помогали розбуждати руського духа.

Туды спѣшивъ такожъ и щойно высвяченый на попа Павловичъ. Засылае онъ свои пѣснѣ и стихи, якѣ самъ складавъ, до тамошнихъ новинокъ, а коли почали и пѣдъ Карпатами появляти ся свои власнѣ новинки, то своими стихами поддерживавъ ихъ до конца свого житя.

Въ его пѣсняхъ, стихахъ видиме горячу любовь до своего народа. Писавъ онъ пѣснѣ патриотичнѣ, историчнѣ, побутовѣ та поучающѣ.

Въ историчныхъ пѣсняхъ звеличивавъ славу своеѣ краины въ давнихъ часахъ. Въ патриотичныхъ — загрѣвавъ до працѣ надъ двигненнямъ руського народа изъ тяжкого положеня. Въ побутовыхъ представивъ намъ житя руського народа въ его доли и недоли, а въ поучныхъ наставлявъ и учивъ народъ на добрѣ дѣла.

До конца своего жита не покидавъ пера и писавъ по руськи. Тогда, коли настали найгѣршѣ часы для народного жита Подкарпатскихъ Русинѣвъ, имя Павловича не сходило зъ устъ нашего народа а наибѣльше на шаришскѣй Маковицѣ, на котрѣй перевѣвъ велику часть своего жита.

Умеръ въ 1900 Роцѣ дня 25. децембра, оставивши по собѣ память доброго сына Руси. Поховали его въ могилѣ коло церкви Вышне-Свидницкоѣ а на поставленѣмъ надгробнѣмъ памятнику виднѣе надпись:

Памяти о. Александра Павловича, сына Маковицы,
народного стихотворца, душпаствра свидницкого.

П.

ИЗЪ ПОЕЗІЙ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

МОГИЛА ПОДЪ БАРДІОВОМЪ.

I.

Зъ надъ синього Дону
Козакъ выѣзжае,
Свѣй родимый край козацкій
Думкою прашае:

„О, Донская земле,
Козацкая мати,
Прощай нынѣ, бо я довженъ
Въ чужину ступати.“

Прощай отче, прощай нене,
И сестры миленькѣ,
И ты Доне, синій Доне
Батьку нашъ старенькій!“

Пѣдъ Бескидомъ хмары
Чорніи зобрались; —
Ой, не хмары то, — а хищнѣ
Вороны злѣтались.

Пѣдъ Бескидомъ громы
Сильно роздаются,
Ой, не громы то, — а войска
Супротивнѣ бються.

Козакъ попрашавшись,
Коня затинае!
Кѣнь заржавъ и тужливо
Съ козакомъ ступае.

Козакъ степомъ мчиться,
Земля загремѣла:
„Ой, вернись, вернись козаче,
Тамъ твоя могила!“

Минувъ козакъ степи,
Кѣнь пѣдъ нимъ поткнувся:
Чей, козаче, жаль ти буде,
Что ты не вернувся!

II.

Кругомъ козаченька
Летять стрѣлы градомъ,
Но онъ скаче и рубает
Все козацкимъ складомъ.

Тысячная куля
Козака минала,
И не куля — а мадырска
Сабля его стяла.

Надойшовъ Левъ и зновъ кричить:

— Заразъ устанъ и поклонися менѣ!

— А ктожъ ты такій? — звѣдуе Оселъ.

— Ты ще и пытаешься? — кричить грозно Левъ.

— Хиба ты не знаешь, что я Левъ, надъ усѣми звѣрями царь?

Оселъ не встаючи подвѣвъ голову и вытрѣщивъ на него очи.

— И что ты за дурницѣ говоришь? — промовивъ онъ. — Ты царь надъ усѣми звѣрями? Кто тобѣ се сказавъ? Маешь то на письмѣ? Кто тебе обиравъ на царя? Ну говори!

Левъ ставъ, мовъ чоломъ о стѣну стукнувся.

— Кто менѣ се сказавъ? Та всѣ менѣ се кажутъ, что я надъ звѣрями царь. Хибажъ се неправда?

— Певно, что неправда. Не може тому быти правда, бо царь надъ усѣми звѣрями не кто, а я.

— Ты? — здивуався Левъ. — А ты хиба маешь се на письмѣ?

— Певно, что маю! Ади, подивися ось тутъ!

И онъ ставъ на ровнѣ ноги и обернувшись задомъ до Льва, показавъ ему свое задне копито, на якѣмъ была прибита новѣсѣнька, блискуча подкова.

— Бачишь? Се моя царьска печать. Якъ бы ты бывъ царь, то й ты бы мавъ таку.

— Ото диво! — промовивъ Левъ. — А я про те й не думавъ нѣколи. Мабуть твоя правда. Але стѣй! Давай, будеме пробуватися. Ходѣмъ у лѣсѣ, кто за годину наловить бѣльше звѣрѣвъ, той буде правдивый царь.

— Добре, най буде й такъ, — промовивъ Оселъ, и съ тымъ розойшлися.

Левъ побѣгъ по лѣсѣ; бѣгавъ, бѣгавъ: тутъ злапавъ серну, тамъ зайчика, тамъ зновъ якусь звѣрину — за годину мавъ уже пять чи шѣсть штукъ. Бере то все и волоче до Осла.

А Оселъ тымчасомъ что робить? Пошовъ собѣ на широку поляну, де сонечко ясно свѣтило и на середѣ луки кинувся на землю, ноги геть одкидавъ, очи зажмутивъ, языкъ высолопивъ на пѣвъ локтя — сказавъ бы кто: згинувъ тай згинувъ. А понадъ поляною все яструбы лѣтають, вороны, конѣ, сороки, галки, всѣляка погана птиця. Видять они, лежить неживый Оселъ, тай усѣ громадою до него. Зъ разу здалека заскакували, а тамъ бачуть, что не рушаеся, тай почали по нѣмъ скакати, дзѣобати его языкъ та очи. А Оселъ нѣчого, только якъ котра пташина надто близько надлѣзе, а онъ клапъ еѣ зубами, або стукъ еѣ ногою, убѣе тай ховае пѣдъ себе, та такъ хитро, что другѣ

и не видятъ. Не минула година, а онъ уже надусивъ ихъ съ пѣвъ копы.*) Тогда схопився на ноги, якъ не стреплеса, якъ не рыкне а птахи усѣ въ ростѣчь. Осель забравъ усю побиту пташню, тай несе на те мѣсце, де мали зойтиса съ Львомъ. Приходить, а Левъ уже тамъ.

— Ну что, — каже до Осла и показуе ему свою добычу, — бачишь, кѣлько я наловивъ?

— Ну, тай дурный же ты, небоже, — каже Осель и копнувъ его звѣрѣвъ ногою. Такихъ звѣрѣвъ я мѣгъ бы бывъ наловити зо двѣ копы. Та что они вартѣ! А ты подивися на моихъ! Я тѣлько такихъ ловивъ, что въ повѣтрю лѣтають. Ану попробуй ты!

— Нѣ, я такоѣ штуки не втну, — одповѣвъ Левъ.

— Ажъ теперъ виджу на правду, что ты надъ звѣрями царь а не я! Выбачай мене, что я такъ нечемно говоривъ съ тобою!

— А видишь! — промовивъ гордо Осель. — Завсѣгды треба быти чемнымъ, бо анужъ наскочишь на старшого одъ себе, а тогда что буде? Отъ и теперъ я мѣгъ бы тобѣ за кару зробити смерть, але выбачаю тобѣ, бо ты зъ дурноты се зробивъ, а не зъ злоѣ волѣ. Иди-жъ теперъ и пильнуйся на другій разъ!

И Левъ пошовъ похнюпившись та завернувши пѣдъ себе хвѣстъ, якъ бы кто виллявъ на него бочку зимноѣ, презимноѣ воды. Чи близько, чи далеко, здѣбае въ лѣсѣ Вовчика—братика.

— Здоровѣ были, найяснѣйшій царю! — каже Вовкъ и кланяеся низенько.

— Етъ, иди, не смѣйся зъ мене! — каже сумно Левъ. — Якій я тобѣ царь?

— Якъ то нѣ — скрикнувъ Вовкъ — кто-жъ бы смѣвъ инакше сказати?

— Мовчи, братику — шепотомъ говорить до него Левъ. — Тутъ недалеко естъ правдивый царь. Якъ почуе, бѣда буде и тобѣ и менѣ.

— Правдивый царь? — дивуався Вовкъ. — Что за диво? Якій-же тутъ естъ правдивый царь окремъ тебе?

— Естъ, естъ! — съ перестрахомъ шептавъ Левъ. — Я самъ его видѣвъ. Тамъ такий страшный! А что за сила! Навѣтъ тыхъ звѣрѣвъ ловить, что въ повѣтрѣ лѣтають. Богу дякую, что мене живого пустилъ.

— Ну, что ты говоришь! — дивуався Вовкъ. — Диво дивне! Знаю сей лѣсъ не одъ нынѣ, але нѣякъ не придумаю, кто бы мѣгъ се быти. Якъ же выглядае той новый царь?

— Однимъ словомъ—страшный! — говоривъ Левъ. — Уха оттакѣ, голова якъ коновка, а на заднѣй нозѣ царьска печать.

— Нѣякъ не вгадаю, кто се може быти? — клопотався Вовкъ. — Знаешь что, ходи, покажи менѣ его!

*) Копа = 60 штукъ.

— Я? Нѣ зачѣ въ свѣтѣ! — скрикнувъ Левъ. — Досить уже разъ страху наѣвся.

— Та ходи бо! Чого бояться? — захоочувавъ Вовкъ. — Отъ знаешь что, привяжи себе своимъ хвостомъ до моего, смѣлѣйше намъ буде ити!

— Про мене, — каже Левъ, — най и такъ буде.

Звязалися оба хвостами до купи тай пошли. Выйшли на горбокъ надъ полянку, что на нѣй пасся Осель. Левъ станувъ, зазирае тай шепче до Вовка: — Ось онъ! Ось онъ! Подивися!

Обертаеся Вовкъ, зазирае, тай якъ не крикне:

— Дурный Льве, тажъ се Ослиско! — А Львови причулося, что то новый царь уже близко, якъ не злякаеся, тай въ ноги! Черезъ пеньки, черезъ ярки, что было духу! Деръ, деръ, далѣ утомився, ставъ тай озирнувся.

— А что, Вовче, близко вже той новый царь?

Але Вовкъ только языкъ вывѣсивъ. Якъ бывъ привязанный до лвиного хвоста, такъ и волѣкся за нимъ усю дорогу и давно уже и духа спустивъ.

— А видишь, — каже до него Левъ, — ты казавъ, что новый царь не страшный, а якъ побачивъ его близко, то зъ самого страху померъ.

Борисъ Гринченко:

КРУКЪ ВЕЛИКА ПТИЦЯ.

Живъ собѣ колись на свѣтѣ
Крукъ, велика птиця,
Звукъ собѣ онъ тихо жити,
Тымъ та симъ живиться.

Всѣ птахы его у лѣсѣ
Дуже поважали,
Якъ зобрались у громаду,
На покуть*) пускали —

И пыталися порады
Про дѣла у него
И всѣ крука шанували
Якъ батька старого.

Живбы й живъ собѣ любенько
Крукъ, велика птиця,
Якбы разъ недовелося
Изъ ракомъ зустріться . . .

Бувъ колись нашъ крукъ голодный,
Зъ ранку ажъ самого
А нѣ рѣски**) ще у ротѣ
Не було у нього.

Довго онъ лѣтавъ у лѣсѣ
Та шугавъ степами
И надъ вечѣръ сѣвъ, знемѣгшись,
Помежи вербами.

*) почестне мѣсце.

**) трава у водѣ.

Коли гляне — ракъ великій
Въ воду хоче лѣзти,
Крукъ до него — хапъ у рота! —
Буде попоѣсти!

Се на бѣрезѣ робилось
Долѣ пѣдъ вербою;
Крукъ злетѣвъ та й сѣвъ на гилку
Саме надъ водою.

Бачить ракъ тогды, що лихо,
Та й ну мудровати, —
Якбы тутъ обратуватись
Щобъ не пропадати?

Отъ, подумавъ онъ, та й каже:
„Ой вороне — брате!
Довелось батька й матѣрь
Твоихъ менѣ знати.

„Ну, та й гарнѣ були птицѣ,
Вже такихъ немає:
Що розумнѣ вже, що добрѣ
Такъ кто его й знае!“

Крукъ те чуе, слухать гарно,
Що ракъ батька славить,
Та „угу!“ на те мугика,
Рота не роззявить.

Ракъ изнову починае:
„Правду якъ сказати,
То твоихъ ще довелось
И братѣвъ зазнати.

„Удалися въ батька дѣти!
Ой якъ миленькѣ!
А якъ добрѣ, а розумнѣ,
Чистѣ та гарненькѣ.

Крукъ те чуе, слухать гарно,
Що ракъ родныхъ славить,
Та „угу!“ на те мугика,
Рота не роззявить.

Ракъ-же знову починае:
„Але що казати!
Хоть були брати и гарнѣ,
Гарнѣ батько й мати,

Та куды вже имъ до тебе!
Вроды й не ровняти,
А за розумъ — тобѣ-бъ треба
Въ лѣсѣ царювати.

„Ага!“ скрикнувъ крукъ, зрадѣвш
Тай роззявивъ рота,
А ракъ булькѣ тогды у воду —
Пропала робота!

А сороки бѣлобокѣ
На вербѣ скакали,
Якъ те вздрѣли, полетѣли
Та скрѣзь розказали.

Зъ того часу вже минулась
И повага й шана
А на крука кричить каждая
И галка погана.

Зъ того часу, якъ въ громадѣ
Стане крукъ навчати,
Заразъ птацтво: „Годѣ, годѣ!
Навчись царювати!“

Такъ ему те прикро стане,
Хоть пойти втопиться,
Та замовкне й сяде зъ боку
Крукъ, велика птиця.

Двѣ мачохи и бѣдна сирота.

Казка изъ Земплинскоѣ жупы — записавъ Иванъ Бадикъ, управитель школы въ М. Березнѣ.

Было й было, была на свѣтѣ одна баба а мала одно дѣвча. Та баба оддалася за вдовця, что такожь мавъ одно дѣвча. Она свое любила а мужове ненавидѣла. Разъ она сказала дѣвчатамъ, что тотъ поѣде до церкви, котра скорше зачешеся. Своѣй дитинѣ помагала збиратися, причесала, а сирота нѣякъ не могла зобратися и остала дома. Сиротѣ зато жаль стало и розплакалася. Надойшовъ одинъ старый чоловѣкъ и звѣдуе, чого она плаче. — „Якъ менѣ не плакати, коли я не годна нѣгде поѣйти. Мачоха своѣй дѣвцѣ голову масломъ намастила, а мою смолою, такъ я не годна и до церкви поѣйти.“ — „Но не плачь!“ — потѣшае старый чоловѣкъ. „Ту маешъ одинъ орѣхъ и онъ тобѣ все дастъ, что тѣлько захочешъ.“

Дѣвча взяло орѣхъ, подяковало и перестало плакати. Заразъ и почала просити одъ орѣха шатя. — „Орѣшку дай менѣ таке красне шатя, якъ сонце!“ Орѣшокъ розтворився на двое и такѣ блискучѣ шатя ѣй давъ, якъ сонце. Наскоро оболоклася и пошла до церкви. Коли вѣйшла у церковь, люде всѣ почали зглядатися на неѣ и хотѣли знати, что то за одна. Но коли вѣйшла, покрылася мрякою и щезла. Приѣшла домѣвъ, переоблеклася и такъ стала, якбы нѣгде не была.

Приѣшла мачоха домѣвъ и розповѣдае, яка красна дѣвчина была въ церкви. — „Кобысь ся была зачесала, то й ты бысь была ю видѣла.“

Сирота на то одповѣла: „Дарѣмо, я не годна нигде поѣйти.“

Приѣшла и друга недѣля. Насыпала мачоха своѣй дочцѣ тенгерицѣ а сиротѣ проса. Котра скорше позбирае, тотъ поѣде до церкви. Сирота не могла такъ скоро позбирати просо, якъ дочка тенгерицю. Мачоха зо своею дочкою пошла до церкви а сирота остала дома. Але заразъ взяла орѣшка до рукъ и сказала: „Орѣшку! Дай менѣ таке шатя, якъ звѣзда.“ — Орѣшикъ отворився и зъ него вѣйшла прекрасна одѣжь. Сирота скоро облеклася и пошла до церкви. Въ церкви всѣ чудовалися, бо прекрасно вызерала у тѣмъ шатю.

Дознався о тѣмъ молодой король. Розказавъ, чтобы ю поймали, якъ еще разъ приѣде до церкви.

На третю недѣлю насыпала мачоха сиротѣ маку, а своѣй дочцѣ фасолѣ и сказала, кто скорше позбирае, той поѣде до церкви. Еѣ дочка скорше позбирала фасолю, якъ сирота макъ. Пошла мачоха съ дочкою до церкви, а сирота осталася дома. Взяла она своего орѣшка тай сказала: — „Орѣшку дай ми таку одежу, якъ мѣсяць.“ —

Что просила, то достала. Доразъ оболоклася и пошла до церкви. Люде дуже чудовалися и теперь на ню. Но король давъ передъ церковными дверми наляти смолы, чтобы хоть топанки зъ неѣ остались и такъ будуть знати ю вынайти. Такъ и сталося.

На конецъ Службы она выходитъ изъ церкви, ступила на порогъ а до смоли причепився еѣ одинъ топанокъ и оставъ тамъ. Король розказавъ слугамъ своимъ глядати тоту дѣвчину, котроѣ топанокъ оставъ въ смолѣ, бо она мае быти его женою.

Мачоха, якъ прійшла домѡвъ, доразъ испознала, кто то была та красна дѣвчина. Казала сейчасъ своѣй дочцѣ учинити меншу ногу, чтобы влѣзла на ню найдена топанка, а сироту скрыла на пѡдѣ пѡдѣ корыто.

Прійшли королѣвскѣ слуги до хаты мачохи и примѣрили до ноги еѣ дочки топанку. Но хоть нога была зрѣзана, топанка на ню не зайшла. Такъ не могла стати женою короля. Коли вже слуги выходили зъ хижи, почули якъ у сѣняхъ на бантѣ закукурѣкавъ когутъ :

Кукурѣку!
Красна дѣвка
Пѡдѣ корытомъ
На подику!

Слуги зрозумѣли спѣвъ когута, выйшли на пѡдѣ и нашли пѡдѣ корытомъ сироту, котроѣ на ноги зайшла топанка. Слуги взяли еѣ заразъ зъ собою и король звѣнчався зъ нею.

Но у короля была такожъ не своя мати, а мачоха. Она, якъ учула, что король женився, была дуже гнѣвна, бо хотѣла, абы онъ повѣнчавъ еѣ дочку. Тому продумовала всякѣ способы, абы жену короля зо свѣта згладити.

Но скоро выбухла война и король муѣвъ оставити дѡмъ и жену та ити воювати. Въ тѡмъ часѣ, якъ онъ бувъ на войнѣ, прійшли ему на свѣтъ два сины. Одному дали имя Мѣсяць а другому Сонечко. Тоту радость извѣстила королева своему мужови и написала письмо. Коли король извѣстивъ письмомъ свою радость и передавъ слугамъ, абы го понесли женѣ, мачоха перехопила его, подерла, а сама написала друге и подписала короля. Въ нѣмъ написала, абы жену и дѣтей убили.

Мачоха розказала слугамъ, чтобы тото зробили.

Слуги вывезли королеву зъ дѣтьми у хашу и хотѣли ю убити. Але она просилася, чтобы еѣ житя даровали. Слуги змилосердилися, оставили ю живу вразъ зъ дѣтьми, а мачосѣ на показъ принесли языкъ, якій vyrѣзали у пса. Мачоха была вдоволена, бо думала, что якъ король приѣде, то заразъ возьме еѣ дочку за жену.

Тымчасомъ королева блукала довго съ двома хлопцями по хашѣ и не могла зѣ неѣ нѣякъ выйти. Мусѣла собѣ поставити у лѣсѣ хатинку и тамъ довгѣ роки проживати. Кормилася лишѣ тымъ, что найшла у лѣсѣ, а головно корѣнями.

По довгѣмъ часѣ вернувся король изъ войны домѣвъ. Дома не заставъ нѣ своеѣ жены нѣ дѣтей. Одного дня пошовъ онъ на ловы до того лѣса, де бѣдувала королева. Коли зайшовъ въ гушавину, заблудивъ и не мѣгъ выйти. Коли вже настала нѣчь, приказавъ король своимъ слугамъ вылѣзти на дерево и дивитися, чи не буде видно якого свѣтла. По хвилѣ дѣйсно указалося въ лѣсѣ маленьке свѣтло не далеко одъ нихъ и всѣ пустилися въ ту сторону. Найшли они малу хатку, а коли поклопали до дверей, отворила имъ одна жена. Они просилися на нѣчь. Жена одповѣла имъ, что коли они добрѣ люде, то ихъ пустить, а коли нѣтъ, то не пустить. Коли они сказали, что они добрѣ люде, жена пустила ихъ; королеви постелила на лѣжку, а слуги полягали на земли.

О короткій часъ король твердо уснувъ такъ, что одна рука его звисѣла изъ постелѣ.

Жена каже одному хлопцю: „Мѣсячку, иди и подойми своему милому отцеви руку на постѣль, бо то твѣй дорогій отецъ.“ — Хлопецъ пошовъ и подвигъ му руку.

Слуги то почули и одинъ другому шепче, якъ то може быти, чтобы то нашъ король мѣгъ быти отцемъ бѣднымъ хлопцямъ. Коли рано встали, подякували за ночливе и пошли дале. По дорожѣ розповѣли королеви, что чули. На то король сказавъ, что не пойдуть домѣвъ але еще будутъ проситися до тоѣ жены на нѣчь.

Коли наставъ вечѣръ, прійшли опять до тоѣ хаты и просяться прияти ихъ еще разъ на нѣчь. Жена вдячно ихъ приняла и каждый лѣгъ на свое мѣсце. Но теперь король не уснувъ а тѣлько ся робивъ, что твердо спитъ. Спустивъ одну ногу и притисъ еѣ mocno до дошки. Маты своему другому хлопцеву каже: — „Сонечку сыну, иди подойми ногу твоему милому отцеви, бо то вашъ дорогій отецъ.“

Сонечко хлопецъ двигаетъ ногу, тай не може еѣ двигнути. Мати каже идъ другому хлопцеву: — „Мѣсячку сыну, иди поможи твоему отцеви ногу подняти“. — Но и оба не могли подняти. И такъ мати пошла помагати. Но король въ тѣй хвилѣ пробудився, обнявъ и поцѣловавъ всѣхъ троихъ.

Потѣмъ довѣдався, якъ они достали ся до того лѣса, а королева розповѣла все, что зѣ нею зробила мачоха.

Король привѣзъ всѣхъ таємно до свого двора и заперъ у одной комнатѣ, абы мачоха не знала.

Потомъ зробивъ велику гостину и на нѣй звѣдувався у гостей, что заслужить такой човѣкъ, котрый трое душъ забье? Мачоха королева перша сказала: — „Такого човѣка належить привязати до хвоста сполошеного коня и пустити въ свѣтъ.“

Король наразъ выдавъ розказъ, абы слуги ю поймали и зробили зъ нею то, что собѣ присудила.

Потомъ розповѣвъ своимъ гостямъ все то, что сталося съ его женою и хлопцями а потомъ велѣвъ привести королеву съ сынами передъ гостей. Всѣ веселилися въ одно, ѣли, пили и забавлялися.

И такъ король зо своєю женою въ великѣй любви и до днесъ жиють, коли ще не померли.

ЧУДНѢ ОРАЧИ.

(Народна пѣсня.)

Не могла ся удовиця
Хлѣба доробити,
Заставила медведика
За плугомъ ходити.
А вовчища бурмасыща
Волики гонити,
А лисицю, молодицю
Бсточки носити.

Медведикъ ся розигравъ
Чепиги поломавъ,
А вовчище, бурмасыще
Воли розорвавъ.
А лисиця, молодиця
Горшки показала,
Теперь ты ся, удовице.
Хлѣба доробила.

Познавайте Пѣдкарпатску Русь!

Переказы про важнѣйшѣ мѣсця на Пѣдкарпатскѣй Руси — подае одъ Ивана Кураха учителя въ Дубриничахъ Б. Заклинскѣй.

I.

Морське око.

У горахъ Вигорлятахъ, где сходиться ужгородска и земплинска жупа, есть озеро. У книжкахъ зветься оно Морске Око, а мѣсцевѣ люде звать его „Багно“. Шукати его треба на мапѣ коло верховъ „Снипскѣй камѣнь“ (1007 м.) Лежить оно високо на 618 метрѣвъ а выплывае зъ него рѣчка Окно. До него можна заѣхати въ той способѣ, что ѣдесе желѣзницею зъ Ужгорода до Малоѣ Березны, а дальше пѣшо селами: Убля, Дубрава, Шмиговцѣ, Стриповцѣ.

Озеро то дуже глубоке, а прикрашують его окружающѣ лѣсы и скалы. На три километры одъ озера суть два каменѣ, одинъ бѣльшій другій меншій, але якбы одинъ. За камѣнь той оповѣдають люде такъ:

— Зобралися чорты и хотѣли затопити всѣ хижи и всѣ села, котрѣ суть близько коло Окна. Найшли великій камѣнь и всѣ го несли на озеро. Камѣнь дуже тяжкій бувъ.

Позаду нѣсь самъ хромый Люциперъ. Тѣ чорты смѣховалися надъ нимъ, что онъ ничъ не несе. Тотъ розгнѣвався и абы имъ показати, что и онъ несе, одорвавъ одну третю частку зъ каменя и самъ нѣсь. Уже близько приходили до озера — ажъ запѣвъ когутъ. Дале не несли, бо уже минуло пѣвночи. На тѣмъ мѣсти и оставили камѣнь. Чортамъ не удалось запропастити села, а камѣнь одъ тогды тамъ стоить. Коли рѣкъ сухій, люде изъ округа Морского Ока ходять до озера, берутъ воду и сыплють до студникѣвъ. Думають, что одъ тоѣ воды явиться и въ нихъ вода и достануть дошу.

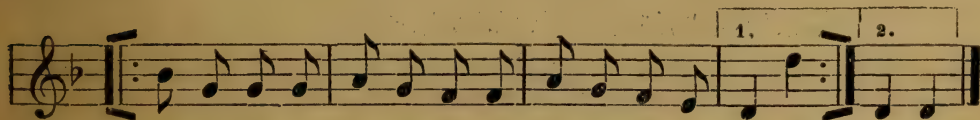
1. ДВА МЕДВЕДѢ.

Скоро.

(Народна пѣсня).

1. Два мед - ве - дѣ два мед - ве - дѣ го - рохъ мо - ло - ти - ли

два пѣвни-ки, два пѣвни-ки до млина но - си - ли, -си-ли.

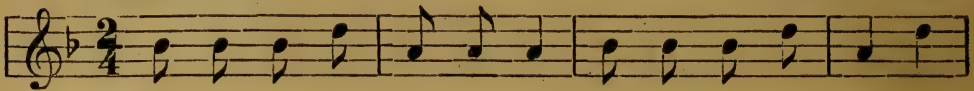
2. А воробчикъ, добрый хлопчикъ,	3. А вороны, добрѣ жоны,
На скрипку грае,	Пѣшли танцювати;
Воробличка, гарна птичка,	Злетѣвъ крукъ, вхопивъ друкъ,
Хатку замѣтае.	Пѣшовъ пѣдгоняти.

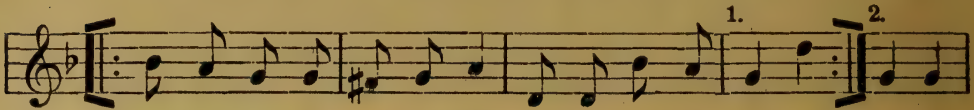
2. ДИВУВАВСЯ ЧОЛОВЪКЪ.

Скоренько.

(Народна пѣсня.)

За - жу-ривъ ся чо - ло-вѣкъ, що ма - е ро - би - ти,

пошовъ со - бѣ чо - ловѣкъ ку - ро - чку ку - пи - ти, пи - ти.

2. ка - че - чку

3. гу - со - чку

4. ин - ди - ка

5. со - ба - ку

6. те - ля - тко

а ку - ро - чка тру - лю - лю, те - пер я ся не - жу - рю.

2. а ка - че - чка ках - ках - ках,

а ку - ро - чка тру - лю - лю, " " " " " " "

3. а гу - со - чка ге - ге - ге,

а ка - че - чка ках - ках - ках,

а ку - ро - чка тру - лю - лю " " " " " " "

4. а ин - дичокъ дуль-дуль-дуль

а гу - со - чка ге - ге - ге

а ка - че - чка ках - ках - ках

а ку - ро - чка тру - лю - лю " " " " " " "

5. а со - ба - ка гав - гав - гав

а ин - дичокъ дуль-дуль-дуль

а гу - со - чка ге - ге - ге

а ка - че - чка ках - ках - ках

а ку - ро - чка тру - лю - лю " " " " " " "

6. а те - ля - тко ме - ме - ме

а со - ба - ка гав - гав - гав

а ин - дичокъ дуль-дуль-дуль

а гу - со - чка ге - ге - ге

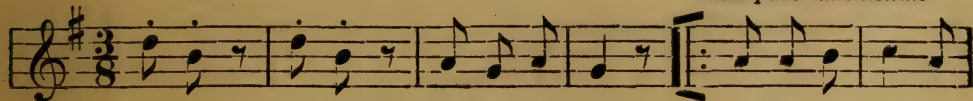
а ка - че - чка ках - ках - ках

а ку - ро - чка тру - лю - лю те - пер я ся не жу - рю.

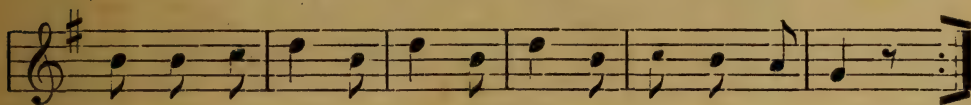
3. ВЕСНЯНКА.

Мѣрно.

(М. Вахнянинъ)

Чимъ разъ сильнѣйше

Ку-ку, ку-ку, чу-ти въ лѣску. Ходѣмъ, спѣваймо,

ра-до ви-тай-мо Бо-жу, Бо-жу, Бо-жу ве-сну!

2. Куку, куку!

Чуемо все;

[: Гаемъ, лѣсочкомъ,

Боромъ, поточкомъ,

Голосъ, голосъ, голосъ гуде. :]

3. Куку, куку!

Птичко мала.

[: Ты намъ спѣвала,

Правду сказала,

Щезла, щезла, щезла зима. :]

ЗАГАДКИ.

1) Ёде лѣсомъ — не шелестить, ёде водою — не плюскотить.
3) Сивый вѣлъ выпивъ воды повень двѣрь.
4) Родився, не хрестився, а бывъ хрестоносець. | 2) Шило — мотовило попѣдъ небесами ходило, изъ панами говорило, изъ князями розмовляло.
5) Веселе дерево, весело спѣвае, кѣнь надъ бараномъ хвостомъ махае. |
|---|--|

Кто одгадае тотъ загадки, одержить якъ нагороду красну книжочку съ казками.

СОДЕРЖАНЫ: Александеръ Павловичъ — подае П. (ст. 17). — Изъ поезій А. Павловича: Могила пѣдъ Бардѣвомъ. (ст. 19). — И. Франко: Осель и левъ, казка. (ст. 20). — Б. Гринченко: Крукъ велика птиця. (ст. 23). — Иванъ Бадакъ: Двѣ мацохи и бѣдна сирота. (ст. 25). — Чуднѣ орачи — народна пѣсня (ст. 28). — Б. За-клиньскій: Переказъ про Морске Око (ст. 28). — Два медведѣ — народна пѣсня. (ст. 29). — 2. Дивувався чоловѣкъ (ст. 30). — 3. Веснянка (ст. 31). Загадки. (ст. 31): Малюнки — Б. Языкова.

ВЫДАВНИЦТВО
ЖДИМАЛЪ
И
ВЕТЕШНИКЪ

въ УЖГОРОДѢ ул. Варая ч. 32

переняло типографію и администрацію
II. рѣчника часописа

„ВѢНОЧОКЪ“.

Всѣ дописи и предплаты для тоѣ часописи належить
высылати на горѣ поданый адресь.

Та сама фирма мае на складѣ всѣ школьнѣ книги
и потребы по дешевымъ цѣнамъ. Замовляти можна
каждого часу у неѣ. Замовленя сейчасъ
полагоджуються.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПОДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходитъ 15. каждого мѣсяца окрѣмъ юлія и августа.

Редакторъ: Дръ. ИВ. ПАНЬКЕВИЧЪ. Предплата Кч 12.— на рѣкъ. Поодинокое число Кч 1'20.

Выдае Шкѣльный отдѣлъ цивильноѣ управы Подкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, УЖГОРОДЪ, ул. Вараля ч. 32.

Рѣчникъ II. Ужгородъ, 15. марта (березня) 1921.

Число 3.

Тарасъ Шевченко.

Нема нынѣ вже освѣченого Русина, чтобы не знавъ хоть дачто про Тараса Шевченка. Бывъ то великій писатель нашего народу и писавъ найкрасшѣ пѣснѣ (стихи) руськѣ. Ними показавъ онъ цѣлому свѣтови чудову красу и силу нашоѣ мовы. Въ пѣсняхъ своихъ выливъ усе тяжке горе не лишъ свое але и цѣлого нашего народа, высказавъ его справедливѣ бажаня и показавъ цѣлымъ поколѣнѣямъ дорогу, котрою мають ити, абы народъ и край свѣой поднести изъ вѣкового тяжкого положеня. За свои писаня терпѣвъ великѣ муки и отдавъ на конецъ передъ часомъ свое житя у могилу.

Тарасъ Шевченко родився 25 фебруара (старого стиля) [1814 р. въ селѣ Моринцяхъ коло Киѣва. Родичи его были селянами и терпѣли тяжке горе одъ роботъ, котрѣ мусѣли чинити на панщинѣ. Родна его хата вбилася ему дуже въ память и онъ описавъ еѣ потомъ такими словами :

„Передо мною стоить убога наша хата, стара, бѣла, съ чорнымъ дымаремъ; соломяна стрѣха на нѣй почорнѣла. Коло хаты на причѣлку яблуня съ краснобокими яблоками; округъ яблунѣ — квѣтникъ, коханецъ сестры моеѣ незабутньоѣ, моеѣ няньки терпеливоѣ, нѣжноѣ! . . . Коло воротъ стоить розлога верба стара съ сухимъ верхомъ, а за вербою стодола; округъ неѣ стоги жита, пшеницѣ и всякого збѣжа, за стодолю по косорогу вже садъ, та якій садъ. . . Другого саду такого нема по цѣлому свѣту. . .“

Въ отсѣй хатинѣ провѣвъ Тарасъ першѣ лѣта свого дитинства у великоѣй нуждѣ, тутъ умерла замолоду его мати, тутъ знущалася надъ нимъ его мачуха, тутъ померъ и его отецъ Григорій, а по смерти

отця розойшлися сироты межи люди. Сестры въ найми, брати на панщину а потомъ до войска, а маленькій Тарасъ до кривняка за пастуха, а потомъ до дяка на науку. Въ однѣмъ изъ своихъ стихѣвъ такъ описуе нашъ Тарасъ той тяжкій часть своего дитинства:

„Не называю еѣ раемъ
Тоѣ хатиночки у гаю
Надъ чистимъ ставомъ, край села.
Мене тамъ мати повила
И повиваючи спѣвала,
Свою нудьгу переливала
Въ свою дитину; въ томъ гаю
У той хатинѣ, у раю,
Я бачивъ пекло... Тамъ неволя,
Робота тяжкая, нѣколи
И помолитись не дають.
Тамъ матѣрь добрую мою
Ще молодою у могилу
Нужда та праця положила;
Тамъ батько, плачучи съ дѣтьми,
(А мы малѣ були и голѣ)
Не вытерпѣвъ лихоѣ долѣ, —
Умеръ на панщинѣ!.. а мы
Розлѣзлися межи людъми,
Мовъ мышенята. Я до школы —
Носити воду школярямъ,
Браты на панщину ходили,
Поки лобы имъ поголили;
А сестры!... сестры? Горе вамъ
Мои голубки молодіи!
Для кого въ свѣтѣ живете?
Вы въ наймахъ выросли, чужіи,
У наймахъ косы побѣлѣють,
У наймахъ, сестры, й умрете!“

У дяка бывъ бѣдный Тарасъ не такъ школяремъ, якъ роботникомъ; носивъ воду, читавъ надъ помершими псалтырь, неразъ и по колька днѣвъ голудовавъ. А при томъ всѣмъ учився, а якъ се робивъ видиме изъ его власныхъ словъ, зложеныхъ у той пѣснѣ:

Давно те дѣялось! ще въ школѣ,	Кругомъ листочки обведу,
Таки вѣдъ вчителя дяка	Тай списую „Сковороду“
Достану часомъ пятака,	Або „три царіе со дары“;
(Бо я було трохи не голе —	Та самъ собѣ у бурянѣ,
Таке убоге!) тай куплю	Щобъ не почувъ хто, не
Паперу аркушъ, и зроблю	побачивъ, —
Маленьку — книжечку, хрестами	Выспѣваю було та плачу.“
И визерунками зъ квѣтками	

Не вытерпѣвъ Тарасъ тоѣ нужды и пошовъ глядати иншихъ учителѣвъ. Зайшовъ бывъ спершу до дяка-маляря въ недалекѣмъ селѣ Лисянцѣ, але и тамъ довго не мѣгъ быти; зайшовъ до другого такого самого, але и ту не мѣгъ нѣчого доброго научиться, хотъ сердце тянуло его до малярства. Вернувъ тому на село, та помагавъ братамъ у господарствѣ. Но все чувъ себе круглымъ сиротою, опущенымъ, безъ хаты и гаразду. Згадуе онъ про те пѣзнѣйше въ прекраснѣмъ стиху: *„Менѣ тринадцатый миновѣ.“*

Коли хлопцеві минуло 15 лѣтъ, треба было ему ити на панщину робити. На щастя взявъ его собѣ панъ его села на послуги. Сподобавъ онъ собѣ хлопця а особливо коли видѣвъ, что у него есть талантъ до науки малярства. Буваючи часто по рѣжныхъ великихъ городахъ, познававъ Шевченко людей и свѣтъ а при тѣмъ все учився, читавъ и образувавъ себе. Сталось разъ таке, что панъ поѣхавъ на забаву, а вернувши пѣзно въ ночи, найшовъ Тараса, якъ сей рисувавъ великій образъ козака. За то, что Шевченко смѣвъ свѣтити свѣчку и тымъ мѣгбы спалити хату и двѣръ, побивъ его панъ. Але познавши талантъ Тараса, давъ его въ Петербурзѣ до доброго маляря на науку. Въ Петербурзѣ познакомився изъ своими земляками, людьми учеными, якѣ помогли ему до освобожденя одъ крепачства и въ 1838 роцѣ выкупили ему у дѣдича Енгельгарда волю за 2500 рублѣвъ. Одъ того року онъ ставъ свободнымъ чоловѣкомъ и оддався своему званю малярскому цѣлковито.

Но попри малярство почавъ онъ писати стихи—пѣснѣ, якѣ ему скоро принесли славу наибѣльшого поэта не лишъ середъ нашего народа, але межи Славянами.

Въ 1840 роцѣ вышла въ Петербурзѣ перша его книжочка п. з. „Кобзарь“, въ котроѣ мѣстилися его стихи, де зъ великою любовью згадувавъ про минувшость своего родного краю и теперѣшне положеня его несчастныхъ землякѣвъ. Книжочка тота стала для Русинѣвъ якъ бы другимъ евангеліемъ и днесъ каждый освѣченный Русинъ держить ю у себе и читаетъ.

Но свобода Тараса Шевченка не была довгою. Въ 1847 роцѣ его арештували за принадлежность до тайного товариства, такъ званого Кирило-Методіевскаго братства, котре поставило собѣ за цѣль знести панщину и злучити всѣхъ Славянъ въ одну велику славянску сѣмю. Его вывезли въ чужій край, въ пустынный околицѣ надъ Каспійскимъ озеромъ въ Азіи и присудили служити простымъ воякомъ цѣле житя. Тяжко ему было тамъ жити, бо заказано было ему писати и рисувати. Такъ мусѣвъ се чинити крадькомъ, бо душа его не могла стерпѣти тяжкого болю, чтобы его не выразити въ пѣсни.

По 10 рокахъ такоѣ неволѣ, коли въ Росіи наставъ другій царь, выклопотали добрѣ люде те, что выпустили его зновъ на волю. Онъ повернувъ 1857 р. до Петербурга, чтобы собѣ и родинѣ еще запрацювати на старость кусникъ землѣ. Свое бажаня выявивъ онъ и въ стиху, кажучи:

„Поставлю хату и комнату,	Въ своѣй маленькѣй благодати,
Садокъ — райочокъ насажу;	Та въ одинѣ — самотинѣ
Посижу я и похожу,	Въ садочку буду спочивати“...

Та не сповнилось его бажаня. Довга и тяжка неволя знищила его здоровля и онъ померъ въ Петербурзѣ 26. февраля 1861 р., не дождавшись увольнення своего народа одъ крепачства, чого такъ бажавъ и просивъ у Бога, а то сталося сейчасъ по его смерти того самого року. Щирѣ люде перевезли его тѣло на Украину и похоронили недалеко города Канева на горѣ высокій такъ, якъ онъ собѣ бажавъ того у своимъ „Заповѣтѣ“.

„Якъ умру, то поховайте	Щобъ ланы широкополѣ
Мене на могилѣ,	И Днѣпро и кручѣ
Середъ степу широкого,	Були виднѣ, було чути,
На Вкраинѣ милѣй:	Якъ реве ревучій.“

Такожъ сповняють и друге бажаня незабутаго Тараса, высказане въ томъ самѣмъ заповѣтѣ:

„И мене въ сѣмѣ великѣй,	Не забудьте помянути
Въ сѣмѣ вольнѣй, новѣй,	Не злымъ, тихимъ словомъ!“

А сповняють сесе бажаня не про что инше, але тому, что цѣлѣ поколѣня нашего народу, читаючи его стихи и пѣснѣ, переймаються любовью до своего народа, краю, и своихъ ближнихъ такъ, якъ се робивъ за житя Тарасъ. А та любовь обгортае и „наименшого брата“

то есть всѣхъ, якѣ родилися такъ якѣ Шевченко пѣдъ убогою сѣльскою стрѣхою. И не лишъ мы Русины цѣниме его якѣ наибѣльшого своего поэта, але и прочѣ славянскѣ народы почитаютъ его и перекладають его „Кобзаря“ на свои языки. П.

ИЗЪ ПОЕЗІЙ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА:

МЕНѢ ТРИНАЙЦЯТЫЙ МИНАВѢ.

Менѣ тринайцятый минало.
Я пасъ ягнята за селомъ.
Чи то такъ сонечко сіяло,
Чи такъ менѣ чого було —
Менѣ такъ любо — любо стало,
Неначе*) у Бога...
Уже прикликали до паю,
А я собѣ у бурянѣ
Молюся Богу; и не знаю,
Чого маленькому менѣ
Тодѣ такъ приязно молилось,
Чого такъ весело було.
Господнѣ небо и село,
Ягня, здається, веселилось,
И сонце грѣло — не пекло.
Та не довго сонце грѣло,
Не довго молилось:
Запекло, почервонѣло,
И рай запалило.
Мовъ прокинувся, дивлюся:
Село почорнѣло,
Боже небо голубее
И те помарнѣло.
Поглянувъ я на ягнята —
Не мои ягнята;
Обернувся я на хаты —
Нема въ мене хаты.
Недавъ менѣ Богъ нѣчого!
И полилися сльозы...
Тяжкѣ сльозы...

*) Якъ бы.

МИНАЮТЪ ДНИ, МИНАЮТЪ НОЧИ.

Минаютъ дни, минаютъ ночи.
 Минае лѣто, шелестить
 Пожовкле листья, гаснуть очи,
 Заснули думы, сердце спить,
 И все заснуло, и не знаю,
 Чи я живу, чи доживаю,
 Чи такъ по свѣту волочусь,
 Бо вже й не плачу й не смѣюсь...

Доле, де ты? Доле, де ты?
 Нема нѣякоѣ!
 Коли доброѣ жаль, Боже,
 То дай злоѣ, злоѣ!

Не дай спати ходячому,
 Серцемъ замирати,
 И гнилою колодою
 По свѣту валяться;

А дай жити, сердцемъ жити
 И Тебе хвалити,
 И Твоѣ свѣтъ нерукотворный.
 И людей любити.

Страшно впасти у кайданы,
 Умирать въ неволѣ,
 А ще горше — спати, спати,
 И спати на волѣ,
 И заснути на вѣкъ — вѣки,
 И слѣду не кинуть
 Нѣякого! Однаково,
 Чи жить, чи загинуть...

Доле, де ты? Доле, де ты?
 Нема нѣякоѣ!
 Коли доброѣ жаль, Боже;
 То дай злоѣ, злоѣ!

СХОДЪ СОНЦА.

Дивлюся я — ажъ свитае,
 Край неба палае;
 Соловейко въ темнѣмъ гаю
 Сонце зустрѣчае.
 Тихесенько вѣтеръ вѣе,
 Степы, ланы мрѣють;
 Мѣжъ ярами надъ ставами
 Вербы зеленѣють.
 Сады ряси похилились,
 Тополѣ — по волѣ

Стоять собѣ, мовъ*) сторожи,
 Розмовляють зъ полемъ.
 И усежъ те, вся краина
 Повита красою,
 Зеленѣе, вмывається
 Ранньою росою,
 Вмывається, красується,
 Сонце зустрѣчае.
 И нема тому почину**)
 И краю немае.

*) Якъ бы.
 **) Початку.

Телесикъ.

Народня казка.

Жили собѣ дѣдъ та баба. Вже й старѣ стали, а дѣтей нема. Журять-ся дѣдъ та баба:

— Кто нашоѣ смерти догляне, что у насъ дѣтей нема?
 Отъ баба и просить дѣда:

— Поѣдь, дѣду, у лѣсъ, вырубай тамъ менѣ деревинку та зроби колисочку; то я положу деревинку въ колисочку тай буду колихати: отъ буде менѣ хоть забавка!

Дѣдъ спершу не хотѣвъ а баба все просить та просить; послухавъ онъ поѣхавъ, вырубавъ деревинку, зробивъ колисочку... Положила баба ту деревинку въ колисочку, — колише и пѣснѣ спѣвае:

Люлѣ-люлѣ телесику,

Наварила кулешику,*) —

И съ нѣжками, и съ ручками,

Буду тебе годувати!

Колыхала-колыхала, ажъ поки полягали они въ вечеръ спати. Устають у ранцѣ — ажъ зъ тоѣ деревинки ставъ сынокъ маленькій. Они такъ зрадѣли, что Боже! Тай назвали того сынка Телесикомъ.

Росте той сынокъ тай росте, — и такой ставъ гарный, что баба съ дѣдомъ не могли натѣшитися зъ него.

Отъ, якъ подрѣсъ онъ то й каже:

— Зробѣть менѣ тату, золотый човникъ и срѣбнее веселечко: буду я рыбку ловити та васъ годувати!

Отъ, дѣдъ зробивъ золотый човникъ и срѣбнее веселечко, спустили на рѣчку, онъ и поѣхавъ. То отсе онъ ѣздитъ по рѣчцѣ, ловить рыбку та годуетъ дѣда и бабу, наловить та оддасть — и зновъ поѣде. А мати ему ѣсти носить. Тай каже:

— Глядижь сыну, якъ я кликати буду, то пльиви до бережка, а якъ кто чужій, то пльиви далѣ!

Отъ мати наварила ему снѣдати, принесла до берега тай кличе:

— Телесику, Телесику!

Приплынь, приплынь до бережка!

Дамъ я тобѣ ѣсти и пити!

Телесикъ почувъ.

— Блише, блише, човнику, до бережка, — сежъ моя матѣнка снѣдати принесла!

Плыве... Приставъ до бережка, наѣвса, напився, одопхнувъ золотый човникъ срѣбнымъ весельцемъ и поплывъ далѣ рыбки ловити...

А змѣя и поѣслухала, якъ мати кликала Телесика та прѣйшла до берега тай давай гукати товстымъ голосомъ:

Телесису, Телесику!

Приплынь, приплынь до бережка!

Дамъ я тобѣ ѣсти и пити!

А онъ, чуетъ...

— Тожъ не моеѣ матѣнки голосъ! Плыви, плыви човнику далѣ! Плыви, плыви човнику далѣ!

Махнувъ весельцемъ, — човникъ и поплывъ. А змія стояла-стояла тай пошла одъ бережка геть.

Отъ, мати Телесикова наварила ему обѣдати, понесла до бережка тай кличе:

— Телесику, Телесику!

Приплынь, приплынь до бережка!

Дамъ я тобѣ ѣсти и пити!

Онъ почувъ.

— Блише, блише човнику, до бережка! Сежъ моя матѣнка менѣ обѣдати принесла:

Припливъ до бережка, наѣвся, напився, отдавъ матери рыбку, что наловивъ, одопрхнувъ човникъ и попливъ знову...

А змія приходитъ до берега та зновъ кличе товстимъ голосомъ.

— Телесику, Телесику!

Приплынь, приплынь до бережка!

Дамъ я тобѣ ѣсти и пити!

А онъ почувъ, что то не материнъ голосъ та махнувъ весельцемъ.

— Плыви, плызи, човнику, далѣ! Плыви, плыви, човнику, далѣ! — Човникъ и поплывъ далѣ.

Змія бачить, что нѣчого не вдѣе та пошла до коваля:

— Ковалю, ковалю! скуй менѣ такіи тоненькіи голосокъ, якъ у Телесиковоѣ матери!

Коваль и скувавъ. Она пошла до бережка и стала кликати:

— Телесику, Телесику!

Приплынь, приплынь до бережка!

Дамъ я тобѣ ѣсти и пити!

А онъ думавъ, что то мати:

Блише, блише, човнику, до бережка, — тожъ менѣ моя матѣнка ѣсти принесла!

Тай приплывъ до бережка. А змія его заразъ вхопила зъ човна тай понесла до своеѣ хати.

Приносить до хаты:

— Зміючко Оленко, одчини!

Оленка одчинила; она увойшла въ хату.

— Зміючко Оленко, натопи печь такъ, чтобы ажъ камѣня розпадалося та спечи менѣ Телесика, а я пойду гостей покличу та будеме гуляти.

Тай полетѣла кликати гостей.

Отъ Оленка натопила печь такъ, что ажъ камѣня розпадається, а тогды и каже:

— Сѣдай, Телесику, на лопату!

А онъ каже:

— Колижъ я не умѣю, — якъ сѣдати?

— Та вже сѣдай! — каже Оленка.

Онъ и положивъ на лопату руку.

— Так? — каже.

— Та нѣтъ бо: сѣдай зовсѣмъ!

Онъ положивъ голову:

— Оттакъ може?

— Та нѣтъ бо, нѣтъ! Сѣдай увесь!

— А якже? Хиба такъ? — Тай положивъ ногу.

— Та нѣтъ бо, — каже Оленка, — нѣтъ! Не такъ!

— Ну, такъ покажи-жъ — каже Телесикъ — бо я не знаю якъ.

Она и стала показувати, та только сѣла, а онъ за лопату тай укинувъ еѣ въ печь и заслонкою печь затуливъ; а самъ замкнувъ хату, вылѣзъ на превысочезного явора тай сидить.

Отъ змїя прилѣтае съ гостями.

— Змїючко Оленко, одчини!

Не чути.

— Змїючко Оленко, одчини!

Не озывается.

— Отъ вража Оленка, — вже десь повѣялася.

Змїя сама одчинила хату, повходили гостѣ, постѣдали за стѣлъ. Одслонила змїя заслонку, выняла зъ печи тай ѣдятъ, — думали, что Телесикъ. Попоѣли добре, повыходили на двѣръ тай качаються по дворѣ.

— Покочуся, повалюся, Телесикового мясця наѣвшись!

А Телесикъ изъ явора:

— Покотѣться, повалѣться, Оленчиного мясця наѣвшись!

Они слухають... „Де се?“ Та зновъ:

— Покочуся, повалюся, Телесикового мясця наѣвшись!

А онъ знову:

— Покотѣться, повалѣться, Оленчиного мясця наѣвшись!

Отъ тодѣ:

— Что оно таке?

Давай шукати, давай дивитися тай узрѣли Телесика на яворѣ. Кинулися до явора тай почали его грызти. Грызли-грызли, ажъ зубы поламали, — а не перегрызуть. Кинулися до коваля:

— Ковалю, ковалю, покуй намъ такѣ зубы, чтобы того явора пергрызти!

Коваль и покувавъ. Они якъ почали знову... От-отъ уже пергрызуть... Коли летить табунъ*) гусей. Телесикъ ихъ просить:

— Гуси-гуси, гусенята!

Возъмѣть мене на крылята,

Та понесѣть до батенька**).

А въ батенька ѣсти й пити,

Ще й хороше походити!

А гуси й кажутъ:

— Нехай тебе середнѣ возьмутъ.

А змѣй грызуть-грызуть... Ажъ летить зновъ табунъ гусей. Телесикъ просить:

— Гуси-гуси, гусенята!

Возъмѣть мене на крылята,

Та понесѣть до батенька,

А въ батенька ѣсти й пити,

Ще й хороше походити!

Такъ и сесѣ ему кажутъ!

— Нехай тебе заднѣ возьмутъ.

А явѣръ ажъ трещить. Одпочинуть змѣй тай зновъ грызуть, одпочинуть тай зновъ. Ажъ летить ще табунъ гусей.

Телесикъ такъ ихъ просить:

— Гуси-гуси, гусенята!

Возъмѣть мене на крылята,

Та понесѣть до батенька,

А въ батенька ѣсти й пити,

Ще й хороше походити!

А и сесѣ кажутъ:

— Нехай тебе заднѣ возьме!

Тай полетѣли.

Сидить сердешный Телесикъ, — от-отъ явѣръ упаде, от-отъ доведеться пропасти! Коли се летить собѣ однимъ одно гусеня: одбилося одъ табуна — на силу летить. Телесикъ до него:

Гуся-гуся, гусенятко!

Возьми мене на крылятко,

Та понеси до батенька,

А въ батенька ѣсти й пити,

Ще й хороше походити!

*) Велика громада.

**) Нянька.

— Сѣдай! — каже оно тай ухопило его на крыла. Та втомилося сердешне, та такъ низько несе. А змія за нимъ жене, та таки не здогнала. Отъ оно принесло тай посадило Телесика на причѣлку знадвору, а само ходитъ по двору, пасеться.

Сидить Телесикъ на причѣлку тай слухае, что въ хатѣ робиться. А баба напекла пирожковъ та виймае изъ печи й каже:

— Се тобѣ, дѣду, пирожокъ, а се менѣ пирожокъ:

А Телесикъ знадвору:

— А менѣ?

То се она знову виймае пирожки та:

— Отсе тобѣ, дѣдусю, пирожокъ, а се менѣ!

А Телесикъ зновъ:

— А менѣ?

Они й почули: Что се?

— Чи ты чуешь, дѣду, чось гейбы гукае?

— Та то, — каже дѣдъ, — мабуть такъ причувається.

Та зновъ баба:

— Се тобѣ, дѣдусю, а се менѣ!

— А менѣ? — зъ причѣлка Телесикъ.

— Отже таки озывається! — говорить баба, та зиркъ у окно, — ажъ на причѣлку Телесикъ. Они тодѣ зъ хаты та вхопили его та внесли въ хату та такѣ радѣ!...

А гусятко ходитъ по двору, то мати й побачила:

— Отъ гусятко ходитъ. Пойду поймаю та зарѣжу.

А Телесикъ каже!

— Нѣтъ, мамо, не рѣжете, а нагодуйте его! Колибы не оно, то я бы у васъ и не бувъ.

Они нагодували его и напоѣли и пѣдъ крыльця насыпали пшона. Такъ оно и полетѣло.

Отъ вамъ казочка.

МАРКІАНЪ ШАШКЕВИЧЪ.

ВЕСНѢВКА.

Цвѣтка дробная

Молила неньку,

Весну раненьку:

— „ Нене родная!

Вволи ми волю,

Дай менѣ долю,

Щобъ я зацвила,

Весь лугъ скрасила,

Щобы я була,

Якъ сонце ясна

Якъ зоря красна

Щобы-мъ згорнула

Весь свѣтъ до себе!“ —
 — „Доню, голубко,
 Жаль менѣ тебе,
 Гарная любко;
 Бо выхорѣ свисне,
 Морозѣ потисне,

Буря загуде,
 Краса змарнѣ,
 Личко счорнѣ,
 Головоньку склонить,
 Листоньки зронить,
 Жаль серцю буде.“

ЛАСТОВЧКА.

Ластовчка, щебетушко,
 Де одѣ насѣ ты, душко, идешъ?
 Что ты дѣтямъ зѣ того свѣта,
 Зѣ теплыхъ краѣвъ принесешъ?
 — Принесу вамъ весну красну,
 Принесу вамъ рожинѣ цвѣтъ;
 Лишѣ учѣться, дѣти любѣ,
 Лишѣ учѣться, вчѣться! вчѣтъ!

Ой, учѣться, любѣ дѣти,
 Что наука — то й гараздѣ,
 Ланѣ не дасть вамъ хлѣба завше
 А наука завше дасть.
 Ой учѣться, любѣ дѣти,
 Вамъ подасть науку свѣтъ:
 Что зожнеться — то минеться,
 Что навчиться — нѣтъ! ой, нѣтъ!

Затъмнѣня сонця и мѣсяця

або чому сонце и мѣсяць робляться даколи темными.

Чули вы а може и видѣли такожѣ, что сонце и мѣсяць часомъ темнѣють. Сонце середѣ дня стане свѣтити лишѣ своєю половинкою а не рѣдко перестае свѣтити цѣлкомъ на малый часѣ. Тогды робиться середѣ дня темно якѣ въ ночи; птицѣ ховаються въ свои гнѣзда, люде бояться и богато говорить про якисѣ лиха.

Затъмнѣня сонця, де оно не буде свѣтити одѣ години 10 передѣ полуднемъ черезѣ 50 минутѣ, можна буде видѣти въ цѣлѣй Европѣ а такожѣ и у насѣ на Подкарпатскѣй Руси. Такое затъмнѣня, чтобы сонце довшій часѣ не свѣтило, рѣдко бывае. Послѣдний разѣ сталося оно еще въ 1867 роцѣ.

Яка причина того? Може кто скаже, что солнце собѣ на той часѣ одпочиваетъ? Або може не стало ему на той часѣ огня? Не тако то оно! Причина того инша.

Знаете, дѣточки, одѣ учителя, что не солнце ходитъ доокола землѣ а лишѣ земля доокола сонця. Дальше знаете, что мѣсяцъ зновѣ обертаеся доокруги землѣ. Такѣ отже земля разомѣ зѣ бѣгающимѣ доокола неѣ мѣсяцемѣ кружить коло сонця.

Мѣсяцъ идучи по своѣй дорозѣ може разѣ стати межи землею и солнцемѣ. Станувши такѣ, може мѣсяцъ заступити собою солнце и на землю кинути свою тѣнь. И то такѣ дѣйсно часомѣ стаеся.

Мы на те можеме взяти примѣры изѣ дѣйсного житя. Коли мы возьмемѣ якусь малу круглу рѣчь, на примѣръ горохѣ або орѣхѣ, и поставимѣ або причепемѣ на супроти лампы, то той горохѣ або орѣхѣ буде освѣтленный лишѣ съ одного боку. Друга сторона буде темна и она кидае тѣнь. Если напроти того гороха або орѣха зновѣ помѣстимѣ другій горохѣ то увидимѣ, что онѣ буде темный, бо лежитъ вѣ тѣни. Ся тѣнь тягнѣся у повѣтрю довгими пасмами и не есть однаковоѣ грубости. Чимѣ ближе до рѣчи, котра заслонила лампу, тимѣ тѣнь товща, а чимѣ дальше одѣ неѣ, тимѣ тонша.

Те саме, що мы видѣли, помѣщаючи маленьку кулю (горохѣ, орѣхѣ) передѣ засвѣтленою лампою, дѣється съ землею, мѣсяцемѣ и солнцемѣ.

Коли мѣсяцъ проходить у своѣй подорожи межи солнцемѣ и землею, може онѣ своею тѣнею заступити усе солнце або частину. Тому буває або частинне затьмѣня сонця або повне.

Але спытае ктось, якѣ то може быти, абы мѣсяцъ, котрый меншій одѣ сонця миллионѣ разѣвъ, мѣгѣ закрыти солнце. Всѣ вы можете переконатися, что невеличка але близька рѣчь закрываетъ одѣ насѣ велику але далеку рѣчь. Коли поставити руку передѣ очима, то можна закрыти усю хату, что стоитъ далеко, а навѣтъ и цѣлу гору. Мѣсяцъ хотѣ меншій одѣ сонця, та онѣ богато ближе до насѣ, якѣ солнце и тому выглядаетъ такѣ великій, якѣ оно. Та не все онѣ однако оддаленый одѣ землѣ: часомѣ онѣ ближе, и тогда здається трохи бѣльшимѣ одѣ сонця, а часомѣ далѣ одѣ землѣ и тогда видимый его кругѣ трохи меншій одѣ соняшного. Якѣ мѣсяцъ проходитъ просто передѣ солнцемѣ ближе до землѣ, то на колько хвиль зовѣмѣ закрые солнце, и тогда есть повне затьмѣня або затемненя сонця; а коли мѣсяцъ найдалше одѣ землѣ, тогда онѣ кидае тѣнь або на крайокѣ сонця або на середину, лишаячи береги освѣтленѣ и тогда солнце выглядаетъ якѣ блискуче кольцо або обручѣ. Вѣ томѣ случаю есть частинне затьмѣня (затемненя) сонця. Коли видимѣ лишѣ середину затемнену

а край свѣтитъ якъ кѣльце то кажеме кѣльчате (каблучкове) затымѣня сонця.

Якъ бы мѣсяць завсѣгды прохोдивъ просто межи сонцемъ и нами, то затымѣня былобы кожного разу, коли мѣсяць стае новымъ (молодымъ). Але частѣйше онъ проходить выше або ниже и тѣнь его минае землю.

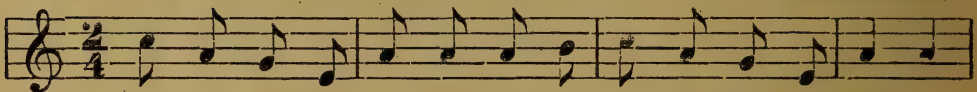
Такъ отже мы выяснили коротко то рѣдке явище, яке мы будеме оглядати дня 8. апрѣля того року. Не треба тому боятися, что на годину стане середъ дня нѣчь, засвѣтять зорѣ. Люде звыкли вѣщувати всякѣ нещастя, войну, голодъ и т. п. Але теперь каждый знае одъ чого стае таке затымѣня. Вже въ старовинѣ ученѣ могли выраховати на кѣльканайцятъ лѣтъ впередъ, коли солнце буде тѣмиться, а теперьшнѣ ученѣ (астрономы), котрѣ займаються звѣздами, выраховують точно и вѣрно на сотни лѣтъ впередъ, де и коли оно буде. Про затымѣня мѣсяця скажеме у другомъ числѣ.

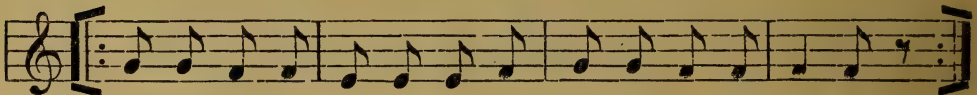
ЗАДУМАЛА СТАРА БАБА.

Повольно.

(Народна пѣсня.)

1. За - ду - ма - ла ста - ра ба - ба та роз - бо - га - тѣ - ти,

пѣд-сы - па - ла ря - бу квочку, чтобъ вы - ве - ла дѣ - ти.

<p>2. Ой вывела ряба квочка
Всего толькѣ трое,
Баба рада, дѣдъ веселый,
Веселѣ обое.</p>	<p>3. Ой погнала бабусенька
Куряточокъ пасти,
Сама сѣла та пѣдъ плотомъ
Куделицю прясти.</p>
<p>4. Ой хмариться, туманиться,
Ставъ дощъ накрапати,
Баба скорше куряточокъ
Въ хату заганяти.</p>	<p>5. А ще въ хату незагнала,
Вже двое стоптала;
Назадъ трохи повернула,
На трете споткнулась.</p>

2. РОДНА МОВА.

(Народня мѣльодія.)

Якъ то лю - бо, якъ то ми - ло на ро - ди - нѣ

жи - ти, род-нымъ сло-вомъ, въ род-ныхъ пѣ-сняхъ

Гос - по - да хва - ли - ти. ли - ти.

<p>2. Родне слово менѣ любе,
Якъ отецъ и мати,
[: Родна мова ми дорожша,
Якъ жовтѣ дукати. :]</p>	<p>3. Роднымъ словомъ я горжуся
Нимъ говорю, пишу.
[: Родну мову, родну пѣсню
Нѣколи не лишу. :]</p>
<p>4. Роднымъ словомъ я заплачу,
Роднымъ пожурюся,
Родну пѣсню заспѣваю
Той розвеселюся.</p>	

СОДЕРЖАНЯ: Тарасъ Шевченко (ст. 33). — Изъ поезій Тараса Шевченка: Менѣ тринадцатый минавъ. (ст. 37.) Минають дни, минають ночи. (ст. 38.) Сходъ сонця. (ст. 38.) Телесикъ. Народня казка. (ст. 38.) Веснѣвка. (ст. 43.) Ластавочка. (ст. 44.) Затѣмѣня сонця и мѣсяця або чому сонце и мѣсяць робляться даколи темными. (ст. 44.) 1. Задумала стара баба. (Народня пѣсня.) (ст. 46.) 2. Родна мова. (Народня мѣльодія.) (ст. 47.)

ВЫДАВНИЦТВО
ЖДИМАЛЪ
И
ВЕТЕШНИКЪ
въ УЖГОРОДЪ ул. Варая ч. 32
переняло типографію и администрацію
II. рѣчника часописа
„ВѢНОЧОКЪ“.

Всѣ дописи и предплаты для тоѣ часописи належить
высылати на горѣ поданный адресъ.

Та сама фирма мае на складѣ всѣ школьнѣ книги
и потребы по дешевымъ цѣнамъ. Замовляти можна
каждого часу у неѣ. Замовленя сейчасъ
полагоджуются.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПОДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходитъ 15. каждого мѣсяца окрѣмъ юлія и августа.

Редакторъ: Дръ. ИВ. ПАНЬКЕВИЧЪ. Предплата Кч 12' — на рѣкѣ. Поодинокѣ число Кч 1'20.

Выдае Шкѣльный отдѣлъ цивильноѣ управы Подкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, УЖГОРОДЪ, ул. Вараля ч. 32.

Рѣчникъ II. Ужгородъ, 15. апрѣля (квѣтня) 1921. Число 4.

БОРИСЪ ГРИНЧЕНКО:

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ.

Богато лѣтъ тому назадъ.
За слово истины — Христа
Скували люде неправдивѣ
И пригвоздили до хреста.

Ажъ далѣ небо потемнѣло,
Земля навкруги затряслась,
Одѣ страху всѣ затрепетали,
Велика смута поднялась.

И потемнѣли яснѣ очи,
Замовкли чистіи уста,
И пролилася кровь невинна
Въ Исуса Господа Христа.

И правда зновѣ заговорила,
Гукнувъ у голосъ миръ увесь,
Засмученѣ гукнули смѣло, —
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Нещасна Ненька заридала,
Заплакавъ вѣрный ученикъ,
А зліи люде веселились,
Веселый регѣтъ чувся и крикъ.

Такъ! смерти камѣнь увалився,
Желѣзна сила полягла,
Нѣ, не вдержела правду кривда
Та сила Ирода царя.

И тьма лихая вся минула,
Свѣтъ людемъ засіявъ зъ небесъ,
И обнялись враги и други
При словѣ томъ — „Христосъ воскресъ!“

ЕМИЛИЯНЪ ФАЛУДИЙ-ФОТУЛЪ, держ. нар. учитель въ Кладановѣ:

Великдень въ Мараморощинѣ.

Великодняя субота.

Вонь уже смеркается. Газда якъ запораивъ гуминя, обойшовъ ху-добу, тогда зайшовъ у хату мало оддыхнути и привести потому себе до порядку. Еще лишъ тѣлько что обернувся, глипнувъ на оболѣкъ и утямивъ, что у цвинтари вже куриться. Ой поспѣшилися хлопцѣ! Пилуйме и мы идъ ватрѣ.

Убравшись въ нову одежду, выйшовъ газда изъ сынами изъ хаты и зайшли не удовзѣ на цвинтарь. Коло запаленоѣ ватры было лишъ трое-четверо хлопцѣвъ, котрѣ розклали огонь. А якъ дымъ подойшовъ понадъ дубы, а потому майже понадъ цѣле село, изъ каждоѣ стороны стали прибѣгати хлопцѣ. — Но, не такъ легинѣ! Они не идутъ пусто! Бо по одинъ такого бутука привалить, что якъ верже изъ плечъ, та онъ земля задрожить. А другѣ онъ четверо качають одну чимаву колоду. За годину такъ розгоряется огонь, что поломѣнь вже поверхъ дубѣвъ сягае. А якъ весело коло огня! Молодѣ и старѣ доокола позасѣдають, оповѣдають, казкують и фиглюють, очѣкуючи нетерпеливо пѣвнѣ. А якъ зближається пѣвнѣ, такъ громадка зросте у десятеро и бѣльше а навѣтъ являються наконецъ и дѣвчата.

Такъ якъ лишъ мине 12-та година и заклеплютъ у турни, люде и челядь спѣшать у Храмъ Божій, а площа коло огня пустѣе. Радость сердце стискае, коли чуется изъ грудей сотокъ людей голосъ пѣснѣ „Воскресъ Ісусъ отъ грѣба, якоже прорече...“ а на концѣ „Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ.“

Та весело видѣти ранокъ по Воскреснѣй утрѣнѣ. Якъ вѣнокъ тягнуться жѣнки, чоловѣки, дѣти малѣ и великѣ, несучи святити паску та иншѣ снѣды. Паску несе звычайно газда а за нимъ спѣшить челядь и кожде держить у руцѣ то кошикъ съ мясомъ, то въ маленькѣй хустѣ завязанѣ писанки. А яка велика радость, коли по сконченѣй Службѣ священникъ посвятить тѣ дары божѣ! Та богато и цѣлый рѣкъ где на бѣлый хлѣбъ и горько працѣе, чтобы въ хатѣ была бѣла паска.

Якъ рѣй пчолъ высыпаются тогда люде изъ пѣдъ церкви и спѣшать съ посвяченными дарами домѣвъ.

Для молодежи наибѣльше радость тогда настане, коли вже зѣбли свяченого и стануть сходитися на цвинтари коло церкви. Цвинтарь въ той день мѣсто для бавки. Великѣ дѣвки сходятся пѣдъ церквою. Мало на бѣкъ одъ церкви бавляются легинѣ. Они бавляются „бемфора“ такою лоптою*),

*) балъ изъ кожи наповненный шерстію.

якъ дитяча голова. Щастя, что на цвинтари повно дубовъ и лопта якъ упаде изъ высоты, то застрягне межи галузями, бо иначе бы зачмилила того, кому упаде на голову.

На нижнѣмъ конци коло килѣки бавиться такожъ одна партія легинѣвъ „утѣканя“, а бокомъ одъ нихъ молодшѣ хлопцѣ „копки“ бють.

Межи дубами, де лишъ находится меньше або больше мѣсто, бавляются хлопцѣ и дѣвчата а то хлопцѣ бемфора, коника, дучки, а дѣвчата камѣнцями, катеринки, ланцъ и т. д.

Подъ великою черешнею висить дошка. Рѣдко коли меньше дѣтей можъ видѣти около неѣ, якъ пятеро-шестеро, а всѣ клеплють. Каждый мае свои клеуцѣ. Клепаня лишъ тогды перестане на минутку, коли хлопчачій гойкъ, дѣвочѣ пѣснѣ и весь шумъ перерве стрѣла легинѣвъ котрѣ, потаебно затыглися помежи корчи и тамъ выпалили пушку.

Старшѣ люде и жоны лишъ прохажуються, потомъ сядутъ казковати, а познѣйше велика часть изъ нихъ замѣшаеся помежи молодѣжь и въедно бавляются съ ними. А легинѣ все гримають разъ поразъ.

По полудню вже ледви видѣти сидячу группу, каждый рѣзко бавиться и молодой и старый. Часомъ перерве лишъ забаву плачь дѣтны, бо ѣй сказала писанка.

Се такъ держитъ ажъ до темноѣ ночи. Хоть на сусѣднѣ горы, окружающѣ село, вже давно налегла тьма, а изъ цвинтара все еще чути веселый крикъ.

Другого дня все те повтаряеся ажъ до вечѣрнѣ. Третього дня вже мало тихне забава, бо каждый наигрався доста. Но все таки молоде знае свое. Якъ выйдутъ изъ церкви, то такъ рѣзко мечеться она, гей курята, коли ястрябъ совсне межи нихъ.

Зачнеся кованя. И ковачъ такъ не бѣе подкову на коньскѣй нозѣ, якъ то бють хлопцѣ дѣвочѣ запяты. Но щастя не можуть довго пѣхаты, бо дѣвчата шиковнѣ та скоро высвободяться изъ легиныхъ рукъ.

Но не углянешься, якъ и третій день проминувъ скоро. Съ жалемъ опускае товариство цвинтарь, чтобы на другій день на зорю каждый ставъ на свою роботу.

МАРІЙКА ПОДГОРЯНКА:

ПИСАНКИ.

Спекла мамка д' Великодню
Бѣленькѣ паски;
А я куплю собѣ фарбы,
Спишу писанки.

На писанкахъ, якъ въ веселцѣ
Буде красокъ сѣмъ,
Чтобы мои писаночки
Любилися всѣмъ.

Розпишу я на писанкахъ
Квѣтки, ялички,
Розмалюю, роздарую
Межи дѣвочки.

А братови маленькому
Дамъ писанки двѣ,
Чтобы ними карбулявся
Въ шовковѣй травѣ.

Лисичка-сестричка и вовкъ панибратъ.

(Народна казка.)

Бывъ собѣ дѣдъ та баба. Отъ разъ у недѣлю баба пекла перожки зъ макомъ, повибирала ихъ, поскладала въ миску тай поставила на вѣконци, чтобы прохололи. А лисичка бѣгла коло хаты та такъ нюшить носомъ; коли чуе, — перожки пахнутъ. Пѣдкралася до окна тихенько, вхопила пирожокъ тай скоро утѣкла. Выбѣгла въ поле, сѣла, выѣла мачокъ изъ перожка, а туды напхала всѣлякого смѣтя, стулила тай бѣжитъ.

Отъ, бѣжитъ, а хлопцѣ скотъ женуть до воды.

— Здравѣ, хлопцѣ!

— Здорова, лисичко-сестричко!

— Промѣняйте менѣ бичка-третячка за маковый перожокъ!

— Та дежъ можъ бичка за перожокъ!

— Та онъ такій солодкій, что аж-аж-ажъ!.. Таки найшла одного,
— промѣнявъ.

— Глядѣтьже, каже, хлопцѣ, не ѣйте перожка, ажъ поки я зайду у лѣсъ.

Та и побѣгла и бычка гономъ погнала. Тѣ подождали, поки она добѣгла до лѣса, тогда до перожка, — а тамъ саме смѣтя.

А лисичка тымъ часомъ пригналася зъ бичкомъ у лѣсъ, привязала бычка до дуба, а сама пѣшла рубати дерево на саночки. Рубае тай каже:

— Рубайся, деревце, криве й праве! Рубайся, деревце, криве й праве!
Нарубала дерева, зробила саночки, запрягла бичка, сѣла тай ѣде. Ажъ бѣжитъ вовкъ панибратъ.

— Здорова лисичко-сестричко!

— Здравѣ, вовчику-братику!

— А де се ты взяла бычка-третячка та саночки?

— Отъ — де-жъ тамъ? Бычка заробила, саночки зробила та й ѣду.

— Ну, то пѣдвези-жъ и мене!

— Куды я тебе возьму? Ты менѣ й саночки поламаешь.

— Нѣ, не поламаю, — я тѣлько одну лапку покладу.

— Та клади вже, — нѣгде тебе дѣти.

Вовкъ и положивъ лапку. Одѣхали трохи, вовкъ и каже:

— Покладу я лисичко-сестричко, й другу лапку.

— Е, вовчику-братику, — ты менѣ санки поламаешь.

— Нѣ, не поламаю.

— Ну, клади!

Вовкъ и поклавъ. Ъдутъ, ѣдутъ ажъ наразъ трѣсь!

— Ой лишенько, каже лисичка, — санки трѣщать!

— Та нѣ лисичко-сестричко, — то въ мене кѣсточка хруснула.

Ну, дарма, — ѣдутъ... А вовчикъ знову:

— Положу я, лисичко-сестричко, й третю лапку.

— Та де ты еѣ класти мешь? Та ты менѣ зовсѣмъ санки поламаешь!

— Та нѣ, чого бы они ламалися?

— Та вже клади!

Тѣльки положивъ, а саночки знову — трѣсь, трѣсь!

— Ей, вовчику, — саночки трѣщать! Злазь, бо поламаешь!

— Та де тамъ они трѣщать? Что бо ты, лисичко-сестричко, выгадуешь? То я орѣшокъ розкусивъ.

— Дай же й менѣ!

— Дамъ останній.

Проѣхали ще трохи...

— Ой, лисичко-сестричко, — сяду я й увесь!

— Та куды ты сядешь? Тутъ нѣгде тобѣ й сѣдати!

— Та я такъ скручуся, что й помѣщусь.

— Та ты менѣ санки зовсѣмъ поламаешь! Чимъ же я тогды дровецъ привезу?

— Отъ таке, — чого я поламаю? Я легенькій. Сяду я, лисичко-сестричко, утомився. Я помаленьку.

— Та вже сѣдай, — нема де тебе дѣти.

Отъ онъ сѣвъ зовсѣмъ у саночки, та тѣльки сѣвъ, а санки — трѣсь трѣсь трѣсь!.. Такъ и распалися!..

Та тогды якъ почала его лисичка лаяти:

— А щобъ тобѣ добра не было, проклятый вовцюгане! Що се ты менѣ набобивъ?..

Лаяла его, лаяла, а тогды: „Иди-жъ теперъ та рубай дерево на санчата!“

— Якъ же его рубати?

— А, капосный вовцюгане! Якъ санчата ломати ты знавъ, а якъ дерево рубати, то й нѣ!.. Кажи: рубайся, деревце криве й праве! рубайся, деревце криве й праве!

Пѣшовъ вовкъ. Увойшовши у лѣсъ, почавъ казати:

— Рубайся, дерево криве й криве! рубайся, дерево криве й криве! Нарубавъ, — тягне до лисички. Глянула та, ажъ оно суковате, что нѣчого зъ него и не зробишь. Та тогды она его зновъ лаяти:

— На щожъ ты такого нарубавъ?

Коли оно таке рубається!..

— А чомъ же ты не казавъ такъ, якъ я тобѣ велѣла?

— Нѣ, я такъ саме й казавъ: рубайся, дерево криве й криве!

— Ну й дурный же ты якій. Сиди-жъ тутъ, бычка погляди, а я сама поїду нарубаю.

Пошла она.

А вовкъ сидить самъ собѣ та такъ ему хочеться їсти. Почавъ онъ перекидати что было въ саночкахъ, — нѣ, нема нѣгде нѣчого. Думавъ, думавъ. —

— Зѣмъ бычка тай утечу!.. Проївъ дѣрку въ бычка, зъ середины все виївъ, а туды воробцѣвъ напустивъ и соломою заткавъ, а бычка подъ плотомъ поставивъ и паличкою подперъ. А тогды самъ навтеки... Приходить лисичка до бычка, а у него въ боцѣ вихоть стремить. Лисичка хапъ за той вихоть, а звѣдты воробцѣ хррр!.. Она за паличку, только взяла ю, а бычокъ гупъ — и впавъ!

— Ну, чекайже ты, проклятый вовцюгане! Яжъ тобѣ се згадаю! Тай побѣгла дорогою.

Бѣжить — ажъ тутъ їдутъ рыбарѣ съ рыбою. Она впала середъ дороги и притаїлася — мовъ нежива.

Рыбарѣ заразъ еѣ уздрѣли:

— Дивѣться, хлопцѣ, яка здорова лисиця лежить! Обступили еѣ, перевертають... Треба взяти, — дѣтямъ шапочки будуть. Скинули еѣ на заднѣй вѣзъ тай знову рушили.

Идутъ попереду, а лисичка-сестричка бачить, что они не дивляться, — давай кидати рыбу зъ воза. Кидае тай кидае по рыбцѣ на дорогу, усе кидае... Накидала богато, та нишкомъ и скочила зъ воза. Рыбарѣ поїхали собѣ далѣ, а она позбирала ту рыбку, сїла подъ копицею тай їсть.

Зиркъ, ажъ и вовкъ-панибратъ бѣжить.

— Здорова была, лисичко-сестричко!

— Здоровъ!

— А что се ты робишь, лисичко-сестричко!

— Рыбку їмъ.

— Дай же и менѣ!

— Отъ такъ! Я стѣльки морочилася, ловила тай оддамъ ему! Поїди самъ собѣ налови!

— Та якъ же я наловлю, коли не умѣю? Хоть научи, якъ еѣ ловити!

— Та якъ же ловити?.. Пойди до ополонки, встроми хвоста въ ополонку та сиди тихенько тай приказуй: ловися, рыбко, велика й маленька!.. То она й наловиться.

— Спасибѣгъ за науку!

Побѣгъ вовкъ сейчасъ на рѣчку та до ополонки, та хвѣстъ въ ополонку...

— Ловись, каже, рыбко велика та все велика! Ловись, рыбко велика та все велика!

Не хочеться ему малоѣ. А морозъ на дворѣ такій, что ажъ шкварчить! Лисичка-жъ бѣгае по берегу та все:

— Мерзни, мерзни, вовчій хвѣстъ! мерзни, мерзни, вовчій хвѣстъ! А вовкъ: „Что ты, лисичко-сестричко, кажешь?“!

— Та то-жъ и я кажу: ловися, рыбко велика й мала!

— А, ну й я такъ: ловися, рыбко велика та все велика!

Ворохнувъ вовкъ хвостомъ, важко вже. А лисичка:

— Ото вже рыбка почала чеплятися. Трохи згодомъ: „А ну, вовчику, тягни!“

Вовкъ якъ потягъ, а хвѣстъ уже причепився до ополонки, — не вытягне. А она его ще й лае:

— А, пакостный вовцогане, что ты наробивъ? Казавъ: ловися рыбко все велика та велика, — отъ велика начеплялася, теперъ и не вытягнешь. Требажъ тобѣ помочи дати, — побѣжу, покличу.

Тай побѣгла у село. — Бѣжить селомъ та гукае:

— Идѣть, люде, вовка бити! Идѣть, люде, вовка бити! Якъ на-збѣгалося людей!.. Одрѣ съ сокирою, другѣ съ вилами, съ цѣпами, а бабы съ рогачами, съ кочергами! Якъ почали они того бѣдолаху бити!

А лисичка тымъ часомъ ускочила въ одну хатину, — нѣкого нема, хозяйка побѣгла на рѣчку вовка бити и дѣжу немѣшану покинула. Она взяла умазала голову въ тѣсто, та въ поле... Коли дивиться, — вовкъ насилу лѣзе, — добре дали ему сердешному.

Она заразъ зробилася хворою, ледви иде й стогне... А вовкъ побачивъ еѣ:

— А, — каже, — така ты! Наробила ты менѣ добра, що й хвоста збувся!

А она: „Ой, вовчику-братику, — хибажъ то я? Хибажъ ты не бачишь, що зъ мене й мозокъ тече, — такъ мене побили, що и голову провалили менѣ. Вовчику-братику, пѣдвези мене!“

— Та я й самъ нездужаю.

— Та въ тебе-жъ тѣльки пѣвъ-хвоста нема, а менѣ й голову провалили. Ой, ой, ой, не дойду до дому!..

— Та сѣдай уже, — нема чого съ тобою робити.

Она вылѣзла ему на хребетъ, вмошуеться та стогне. Повѣзъ еѣ вовкъ.

Отъ она ѣде та все приказуе:

— Битый небиту везе! Битый небиту везе!

— Что ты тамъ, лисичко-сестричко, кажешь!

— Та то я кажу: битый биту везе. А сама зновъ тихцемъ: Битый небиту везе!

Отъ, довѣзъ онъ еѣ до хатки:

— Уставай, лисичко, доѣхали!

Она тогды скокъ зъ вовка та каже:

— Битый небиту привѣзъ! Битый небиту привѣзъ! Вовкъ до неѣ, хотѣвъ ю зубами, а она въ хатку тай зачинилася. Не влѣзе вовкъ. А она ще визирае въ окно та й дражнить:

— Битый небиту привѣзъ!..

Крутився вовкъ крутився коло лисиччиноѣ хаты, — не влѣзе.

— Не клята лисичка!.. оттакъ пѣддурила!..

Тай потягъ до дому.

А лисичка живе та курей ловить.

И. П. ВАСКОВЪ:

ЯРЬ.

Витай, витай, красна яре,
Каждый тебе радо мае,
Одинъ сѣе, другій оре,
Зеленѣе лѣсъ и поле.

И потятка заспѣвають,
Богу за ярь славу даютъ,
Пойдѣмъ и мы заспѣвайме
Красну ярь и мы вытайме.

ГНАТЪ ХОТКЕВИЧЪ:

Святый Юрій на Гуцульщинѣ.

Весна, весна! Приходить!...

Маруся лѣтала по проталыхъ стежечкахъ, весело поплюскуючи гарными своими чоботками. Зупиниться на хвильку, набере повнѣ груды гѣрскаго, чаровнаго повѣтря и мовѣ крыла одѣ того вырастають! Лѣтала бы до сонця, до вершкѣвъ горѣ, до хмарѣ. И сердце замирало

на саму лишъ думку, что скоро настануть цѣлкомъ теплѣ дни, зойде снѣгъ зъ усѣхъ зашкалубинъ и можна буде выдрапатися на найвысшу кичеру, стати тамъ якъ ангелъ Божій на хмарѣ и заспѣвати.

— Господи, Господи! — якжежъ то гарно, якжежъ то мило! — и цѣлувала дѣтей, дѣвчатъ, весь свѣтъ готова бы цѣлувати.

Иде весна! Мати велика!

Отъ уже скоро — скоро приѣде на бѣломъ кони святлицаръ Юрій и люде витати муть его. То ще давно — давно въ сѣдѣй давнинѣ велѣвъ Богъ урочисто обходити сей празникъ.

Все докола, вся природа чекала приѣзду кѣнного лицаря. И ѣде онъ, пышный та гордый царевичъ, у блискучѣмъ одѣню и здалека еще кричить.

— Мечи ключи, брате Миколо, бо одобю!

И старенькій Микола, перелякавшись, борзо вергне на зустрічь святъ-Юрію ключи до свѣта, а самъ утѣкае у Божій запѣчокъ на небесну постелю спочивати по труднотахъ довгозимовыхъ.

А пышный Юръ ѣде, коникомъ выиграе, острымъ списомъ леды пробивае, зъ гѣръ зиму стручае, просѣкае копытми стежки — до-рѣжки по убоцахъ. Стрепенуться соннѣ смереки, киваючи Юрію на зустрічь, на привитаня; напружиться бучина, березина сокомъ наллется. Широко зотхнуть горы, Черемошъ*) запѣниться, выйде сонце и довше постоить надъ землею. Ёде, ёде святъ Юрій! Лѣсы косичить, земля правиться, хоромъ могутнымъ несется крикъ:

— Весна! Весна! Задзвонили гуси — ключи, поверхъ моря йдучи!...

Отъ и Юрій, святивбися!... Сонця великого празникъ предвѣчный;

Зъ незнанныхъ краѣвъ принесли Гуцулы честь сему празнику и бережуть изъ поколѣня въ поколѣня. И тому якъ зможеся у силу сонечко добре и днинка Божа продолжиться, святкують сыны природы спѣльне свято зъ матѣрю посполу. Зиму перебувають, лѣтомъ набувають. Святый Юрій лѣтечкови одчиняе ворота, тожъ поклонъ святому Юріеви!

И маржинка святкуе. Весь добутокъ Гуцула въ маржинѣ. Безъ неѣ Гуцулъ нѣщо, а зъ нею все. Богацтво рахуется на головы скота або на сѣна: про газду кажутъ, что онъ „у двацатеро сѣнъ стоить“ — и се вже повна мѣра заможности. Зустрѣвшись Гуцулъ по привитаню пытае: „Якъ маржинка?“ Жебракъ простибѣгъ выговорюе: „За ваше здоровля тай за маржины здоровля.“ Половину зимы же одлюдно Гуцулъ у зимарцѣ, бо такъ на маржину лѣпше! половину лѣта же одлюдно Гу-

*) Рѣка въ Галичинѣ, что vyplивает изъ Черногоры.

цулъ у полонинѣ, бо такъ на маржину лѣпше. Тысяча примѣтъ, тысяча заговорѣвъ, чарѣвъ примовокъ — все то для маржины, ради неѣ. Якъ кто хоче допечи кому, то заклинае на маржину; якъ кто хоче приѣмность кому сказати, бажае добра маржинѣ.

И Юрій, сей поворотный праздникъ — весь у вороженю. Зъ далекого загодя памятають Гуцулы на сей день. Ще на Святъ-вечерѣ, коли пеклося до святоѣ вечерѣ 12 стравъ, брала господыня зъ усѣхъ мисокъ по ложцѣ, пекла зъ того всего книшикъ та ховала той книшикъ ажъ до Юрія. Ще на Благовѣще ходила господыня до мурашковины и клала туды сѣль, булки кавальчикъ, а потомъ свои бовтицѣ, пацьборки, чепраги и присыпала то то все землею ажъ до Юрія.

А у Юріеве навечеріе, якъ лишъ запало такъ май трошки у нѣчь, горы у сутѣнь повилися, долины поглубшали и Черемошъ почорнѣвъ — дивный малюнокъ побачили на парохіи.*)

Въ домѣ о. Василя саме всѣ сѣли вечеряти. Наразъ пан-отцева жѣнка Маруся, несподѣвано глянувши у окно, закричала:

— Пожежа десь! Горить!...

И такъ переразливо скрикнула, що всѣ посхоплювалися зъ мѣсця. Побѣгли до окна.

Дѣйсно — по тѣмъ боцѣ Черемоша у Задуряковѣ горѣло. Пычине зарево червоно-золотымъ пѣвколомъ здоймалося въ гору и кидало крикомъ у темнѣ небеса.

— Пху, якже ты мене налякала! — говорила стара ѣмость.**)

Та якажъ то пожежа! То Юрія завтра.

— То що?

— Та палять Гуцулы ватры глоговѣ***) — одъ того маржинѣ, кажутъ, добре.

Тымъ часомъ коло другоѣ оселѣ запалало ще бѣльше огнище; далѣ коло третьоѣ, четвертоѣ — и скоро всѣ горы, кѣлько было ихъ доволоа, засіяли огнями, задрожали червонястыми, золотыми промѣнями.

— Якъ у казцѣ.. — прошепотѣла Маруся.

Коло огнѣвъ ворушилися, видко, люде.

— Боже мѣй, якъ то красно!.. Я побѣжу!

И Маруся скочила зъ мѣсця.

— Але куды ты? Таже нѣчь на дворѣ!

Ну, то що, якъ нѣчь?

*) Фара.

**) Такъ называютъ жену пана отца.

***) Огнѣ зъ глогу.

— Най бѣжить. Сежъ уперше побачить она Юрія у Гуцулѡвъ! — вступалася стара ѣмость.

Маруся накинувши хустку на голову, байбарачокъ*) староѣ ѣмость на плечи, вже бѣгла царинкою коло церкви до найблизшоѣ своеѣ сусѣдки и найлѣпшоѣ пріятельки — Анницѣ Демянчукки.

У демянчукѡвъ саме запалювали ватру. Стефанъ принѣсъ „дави-ны“**) изъ пѡдѣ маржины, пѡдкладавъ пѡдѣ глѡгъ, а жѡнка тримала скипку зъ огнемъ. Побачивши Марусю, закричала:

— Ой ѣмостечко, Богъ бы васъ укривъ одѣ всякоѣ пригоды! А ну ко пѡдкладайте сесю ватру Божу своею ручкою: маєте руку щасливу тай черезъ васъ Бѡгъ намъ маржинки ади примножить.

Стефанъ, присѣвши, кивавъ привѣтливо головою. Маруся взяла зъ рукъ Анницѣ скипку съ огнемъ.

— Де маю класти?

— Сюды та отсюды, ѣмостечко, — зъ усѣхъ чотырьохъ бокѡвъ. Казавъ быхъ „сынку“, та не вольно, — и Стефанъ подоймивъ топоромъ глѡгъ.

Зъ якимось благовойнымъ зворушеніємъ пѡдкладала Маруся огонь. Таинство обряду захоплювало.

Суха трава спалахнула. Затрѣщали, закрутилися на огни дробненькѣ галузочки, закрутився дымъ. Стефанъ зъ Анницею шепотѣли:

— Дай, Господи... дай, Господи... Пошли Боже святенькій та чистый, абы тѡлько было маржины, кѡлько мае быти попелу изъ сего курища.***) Поможи, Господочку любый, абы жаднѣ уроки маржинки нашоѣ не ловилися, якъ сего глогу нѣщо не ловиться...

И ихъ голоса сплѣталися зъ дымомъ, искрами приоздоблювалися и летѣли високо — високо въ темне небо. Марусю обхоплювала урочистость хвилѣ, солодка близкость до таемного обряду; здавалося, що може вѣрити, якъ сѣ „погане.“

Ватра палала, розкидуючи фантастично вирѣзаными плямами докола, що хвилѣ ихъ мѣняючи, творючи новѣ. Хлопчикъ пастушокъ зопнявся на ворѣня†) и якоюсь не то радостею полусѣдомою не то острахомъ дивився, застигши очима, въ саму глубинь таемноѣ чаровноѣ ватры. Зъ перелякомъ дивилася на огонь маржина и не вымахувала хвостами. А середъ тоѣ всеѣ незвычайноѣ обстановы тонесенька гей смерѣчка, чомусь радостна, чомусь усмѣхнена, стояла молода

*) Короткій вышиваный сердакъ.

**) Сѣно яке дають до подою.

***) Ватры.

†) Плоть.

ѣмость. И мѣнилася лицемъ въ червонозолотыхъ смугахъ. Скакала бы черезъ сей огонь, спѣвала бы побожну пѣсню, жертву бы приносила!

Стефанъ одойшовъ троха и уважно стеживъ, въ якій бѣкъ бѣльше хилиться дымъи зъ курища. Стовпъ вѣявся въ усѣ боки, але такъ, здавалося, що навертае оттакъ бы бѣльше на Вѣлощину.

Все въ першу весняну сю нѣчь мало значѣня, было насычене чарѣвною силою вѣщованя. Той, кто установивъ сей обрядъ и вшанувавъ, не хотѣвъ и думати, щобы хотъ щось могло пропасти дурно. Все говорило, все давало знаки, все ворожило — треба лишъ было розумѣти сю мову.

Спалахнувши високо, огонь почавъ поволи пригасати; десь въ однѣмъ мѣсци, на сухѣй гилячцѣ, зможеся, лизне жвавѣйше — а потомъ жовкне, золотѣе, поникае. Пишна грань мовъ ворущалася, мѣнючися блисками и свѣтлами.

Уважно приглядався Стефанъ до ватры, и якъ лишъ пригасла она тѣлько, що не было поломѣни, кивнувъ на хлопця.

— А ну!

Хлопчикъ скочивъ зъ вориня и гейкаючи погнавъ худобу черезъ грань. Корови боялися, высталяючи впередъ ноги та мотаючи зъ сопѣнямъ головою, але потомъ, широко переступаючи ногами, бѣгли черезъ грань до загорода.

— Напаслася! Напаслася! — радостно пѣдрикувала Анна.

А ватра тымъ часомъ гасла, мертвѣла грань, темнота ставала смѣлѣйшою. Та Стефанъ, якъ тѣльки перейшла остатна скотина, набравъ зъ купы оберемокъ глогу и кинувъ у мертвѣющей жаръ. Пригасла на хвильку ватра, але потомъ зъ новою силою залопотѣла, веселыми зигзаками просверлюючи тьму.

— Пѣдкидай, коротко сказавъ Стефанъ жѣнцѣ.

Нѣчо, нѣчо. Будемо зъ ѣмостею пѣдокладати обѣ. Сѣдайте прошу. Не дуже сѣдець гарный, але най буде — и змахувала запаскою ковбачокъ, що лежавъ зъ боку, и просила Марусю сѣсти.

— Треба пѣдокласти сесю ватру, ажъ доки когутъ не запѣе, бо то ади, проти чередѣнницъ, проти вѣдьмъ тотыхъ.

— И то всюды будутъ огнѣ тримати ажъ до пѣвнѣвъ.

— А всюды. Бо то вѣдьма ласа сеѣ noci ходити за молокомъ, геть бы зопсовала корову на нѣнащо. Ото и Стефанъ пѣшовъ и такожъ проти чередѣнницъ кидати кецкою*). Бо она вѣдьма тота, страхаеся ади того тай годѣ еѣ приступити.

*) Обручемъ.

Стефанъ одойшовъ у бѣкъ. Бравъ заготовленъ „кечки“, обвивавъ ихъ сухимъ сѣномъ, запалювавъ и кидавъ кѣлько было силы въ низъ по царинѣ.

— И-и-и ххха!... — кричавъ при тѣмъ такимъ голосомъ, що не треба было быти и вѣдьмоу, абы перелякаться.

Кечки скакали якъ не виданъ огненъ звѣръ и, здавалося, свистали проразливымъ свистомъ. Наскочивши въ полетъ на купу складеного камѣня, пѣдлѣтали до горы одразу гаслы, розбризкуючи тысячами искоръ докола. Маруся плескала въ долонѣ якъ дѣтина и тупотѣла ногами, регочучи й скачучи одъ радости.

И довго сидѣла потѣмъ, часть одъ часу пѣдкладаючи патики въ огонь, задумчиво слухаючи, якъ Анниця оповѣдае усяке ворожѣня на святого Юрія.

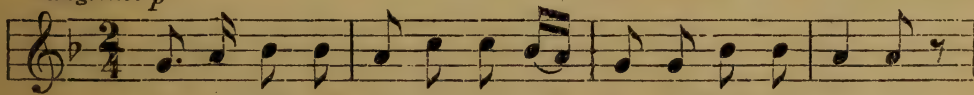
Забавы и игры.

1. Розвивати вѣнокъ.

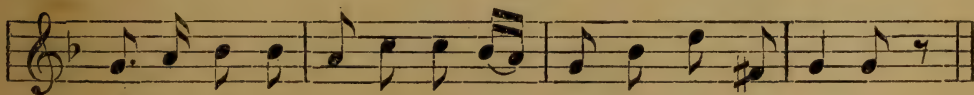
Веснянка.

Дѣти стають колесомъ. То колесо розорвуть въ однѣмъ мѣсци, але за руки тримаються. Котрый хлопецъ крайный, той стоить на мѣсци, а докола него дѣти „навивають вѣнокъ“, спѣваючи:

Allegretto. p

По-зи-рай-те дѣв-ча-тонь-ка, Я - кѣ цвѣ-ты ма-ю,

А я - кій я изъ квѣ-то-чокъ Вѣнокъ из - ви - ва - ю.

Такъ обматуються докола стоячого хлопця, доки стане „мотузка и квѣтокъ.“

Якъ вже звили всѣхъ, тогды розвивають и спѣвають:

f

А у на - шо - му вѣ - но - чку Якъ ма - ло квѣ - то - чокъ,
За то мы со - бѣ зо - вѣе - ме Но - венькій вѣ - нокъ!

2. Голубка.

Веснянка.

Дѣти роблятъ колесо и спѣвають, обертаячи колесомъ то въ одинъ, то въ другій бѣкъ.

Allegretto. (Мирно скоро).

Мы го - лу - бо - чку и - ми - ли, До - о - ко - ла
об - сту - пи - ли, Ой го - лу - бко, чо - го ту - жишь,
Ma. v. Ви - би - рай си, *Ma. v.* ко - го лю - бишь, ко - го лю - бишь.

Такъ по одному выбираютъ до середины.

Коли въ серединѣ вже колесо велике, спѣвають:

Цвѣтокъ до цвѣточка,

Листокъ до листочка,

Нехай одъ насъ вийде

Ганя паняночка.

И по одному выходятъ у велике колесо.

ПЕРЕПИСКА РЕДАКЦИИ „ВѢНОЧКА“ СЪ ЧИТАЧАМИ.

Редакція одержала слѣдующе письмо:

Волове, дня 16. IV. 1921.

Любый нашъ Вѣночку!

Шлеме тобѣ розвязку загадокъ изъ 2. числа. Не знаемъ, чи мы ихъ добре одгадали. Якъ теперь мы мало захибили, на другій разъ поправимся. Ты не посердешься за то на насъ, бо у насъ была добра воля.

Мы тобою дуже тѣшимся и дуже радо тебе витаеме. Много вершиковъ изъ тебе выучуемся на память. Казки твои дуже радо читаеме. Жалуеме, что не можешь приходить до насъ хоть два разы въ мѣсяць.

Розвязки суть: 1) = тѣнь, 2) = хмара, 3) = осель, — 4) = телефонъ, 5) = гуслѣ.

Бувай здоровъ и скоро до насъ загости. Елисавета Пайкошѣ, Елена Пайкошѣ, Шарѣка Пайкошѣ, Мѣтьо Пайкошѣ.

Одповѣдь Редакціи:

Дорогѣ Дѣточки. Дуже утѣшило насъ Ваше любе письмо, и мы его задержиме собѣ на памятку. Вы дакотрѣ загадки добре одгадали а то 3. и 5.

Одгадки такѣ 1) = мѣсяць, 2) = морозъ, 3) = осель, 4) = блискавка-грѣмъ, 5) = гуслѣ.

При Вашѣй пильности певно одгадаете другѣ загадки, якѣ подаеме въ томъ числѣ.

ЗАГАДКИ.

- 1) Мечи бѣле, упаде жовте.
 - 2) Чотыри братья одну шапку носять.
 - 3) Малый малюшокъ понѣсь бочку на вершокъ.
 - 4) Середъ села дубъ, на дубѣ дванайцять стовпѣвъ, на кождѣмъ стовпѣ гнѣздо, на кождѣмъ гнѣздѣ чотыри яйця.
 - 5) Безъ рукъ, безъ нѣгъ, безъ очей, выйде на пѣдъ у ночи.
 - 6) Безъ оболокѣвъ, безъ дверей, повна хата людей.
- Кто до 1. юня надославсѣ добрѣ одгадки, одержитъ красну книжочку изъ казками.

ОДЪ АДМИНИСТРАЦИИ: Проситъсѣ всѣ тѣ школы, котрѣ еще не подали, кѣлько примѣрникѣвъ „Вѣночка“ потребують для дѣтей або науки, абы сейчасъ то учинили, бо „Вѣночокъ“ печатаеся лишъ въ тѣлько примѣрникахъ, кѣлько ихъ потребують.

Кажда школа одержуе 2 примѣрники одъ школьного оддѣла даромъ. Дѣти платятъ 4 Кч рочно, а прочѣ 12 Кч. Проситъсѣ тыхъ, котрѣ еще не заплатили, гроши якъ найскорше прислати.

СОДЕРЖАНИЯ: Христосъ Воскресъ (ст. 49). Великдень въ Мараморощинѣ (ст. 50). Писанки (ст. 51). Лисичка-сестричка и вовкъ панибратъ (ст. 52). Ярѣ (ст. 56). Святый Юрій на Гуцульщинѣ (ст. 56). Забавы и игры (ст. 61). Переписка редакціи „Вѣночка“ съ читачами (ст. 63). Загадки (ст. 63).

Замовляйте для своѣхъ дѣтей новинку

„ВѢНОЧОКЪ“

для ПОДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Позабавляются, потѣшаются и познаютъ красоту
рѣдного языка и своѣ милоѣ краѣнки.

Выходить мѣсячно и коштуе 12 Кор. ч. рѣчно.

Для себе замовляйте новинку

„ЗОРЯ“.

Найдете въ нѣ много доброго и поучительного
чтенія. Каждый русинъ и русинка, котрый знае
читати и писати, мусить ту новинку читати.

Выходить два рази на мѣсяць и коштуе для селянъ
10 Кор. ч. рѣчно.

Необхѣдно нужна каждому учителю, воспита-
телю и захоронницѣ ѣхъ новинка

„УЧИТЕЛЬ“.

Выходить разъ въ мѣсяць и коштуе 12 Кч. рѣчно.

Замовляйте и гроши посылайте на адресу:

**Торговля книжками и паперомъ
„ЖДИМАЛЪ и ВЕТЕШНИКЪ“,
Ужгородъ, Варая улица ч. 32.**

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПОДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Выходитъ 15. каждого мѣсяца окрѣмъ юлія и августа.

Редакторъ: Дръ. ИВ. ПАНЬКЕВИЧЪ. Предплата Кч 12.— на рѣкъ. Поодинокое число Кч 1'20.

Выдае Шкѣльный оддѣлъ цивильноѣ управы Подкарпатскоѣ Руси.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, УЖГОРОДЪ, ул. Вараля ч. 32.

Рѣчникъ II.

Ужгородъ, 15. мая 1921.

Число 5.

ИЗИДОРЪ ВОРОБКЕВИЧЪ:

ВЕЧЕРЪ.

Сонце заховалось за высокъ горы
Тихо все дрѣмае: лугъ, дуброва, боры.
Дзвѣночокъ тамъ чути, мѣсяць небомъ сѣе,
Въ байрацѣ маленькій соловіи спѣвае.

Вѣтрець потягае, поточокъ шепоче,
Яскраво сіяють зорѣ середъ ночи.
Дрѣмае береза, заснула смерека,
Чути лишъ флюяру вѣвчарску здалека.

Свѣтъ мовъ церковъ Божа, мирно, тихо всюды
Одъ тяжкоѣ працѣ знемоглися люде.
А мѣсяць, мовъ сторожъ, ходитъ небомъ тихо,
Тѣшитъся, что каждый забувъ свое лихо.

ИВАНЪ ФРАНКО.

Заяць и Ђжакъ.

(Изъ книги коли ще звѣрѣ говорили).

Се, мои дѣтоньки, не есть исторія а практика. Бо певно, нѣкто тамъ при тѣмъ не бывъ, якъ Заяць съ Ђжакомъ сперичалися. А проте оно мусить быти правда, бо мой небожчикъ дѣдусь, коли менѣ се оповѣдавъ, усе говоривъ: „Я тамъ при тѣмъ не бывъ, але се мусить быти правда, бо менѣ се старѣ люде повѣдали, а старымъ людемъ на что брехати?“ Слушайтежъ якъ то оно было.

Была свята недѣленька, пѣдъ осѣнь уже, саме коли гречки одцвѣтали. Сонечко зойшло ясно на небѣ, вѣтрець теплый прохожувався по стерняхъ, жайворонки спѣвали высоко-высоко въ повѣтрѣ, пчѣлки брѣнѣли на цвѣтахъ, а люде святочно повбиранѣ йшли до церкви. Все, что жило, радувалося милою днинкою а Ъжакъ такожъ.

Ъжакъ стоявъ собѣ край дверей своеѣ норы, заложивъ руки за поясъ, выставивъ нѣсъ на теплый вѣтеръ тай подспѣвувавъ собѣ стиха пѣсенку — чи гарну, чи не гарну — кому тамъ что до того! якъ умѣе, такъ и пѣе. Подспѣвуе собѣ тихенько, а далѣ подумавъ собѣ:

— Поки тамъ моя жѣнка мне дѣтей та дае ѣмъ свѣжѣ сороочки, то я пѣйду троха въ поле, пройдуся тай на своѣ бураки подивлюся, чи добре выросли.

Бураки были недалеко одъ его хаты; Ъжакъ бравъ ихъ, кѣлько ему треба было на страву для своеѣ родины и для того и говоривъ за-всегда „мои бураки“. Ну, добре. Осторожно заперъ онъ за собою двери и поплѣвся стежкой въ поле. Не далеко й пройшовъ и саме по при терновый корчъ хотѣвъ скрутити и направцѣ пѣйти до буракѣвъ ажъ тутъ навстрѣчу ему Заяць. Онъ такожъ такъ бѣвъ вѣйшовъ на проходъ и хотѣвъ при тѣй нагодѣ навѣдатися до „своеѣ“ капусты.

Побачивши Заяця Ъжакъ поклонився ему низенько и привитавъ его съ святою недѣлею. Та Заяць бѣвъ собѣ великѣй паничъ и дуже горда штука. Онъ не одповѣвъ нѣчого на Ъжакове привитаня а тѣлько глянувъ на него дуже зъ высока и одозвався:

— Ого, а ты чого такъ рано ось тутъ по поли волочишься?

— На проходъ вѣйшовъ, — одповѣвъ Ъжакъ.

— На проходъ? — зареготався Заяць. — А я думавъ, что твоимъ ногамъ лѣпше бы было лежати, нѣжъ на проходъ лазити.

Ся насмѣшка дуже розсердила Ъжака. Бо вже что якъ что можна ему говорити, все онъ перенесе, але коли кто почне насмѣхуватися изъ его ногъ, того онъ не може дарувати. Саме для того, бо зъ Божого допусту ноги у него кривѣ.

— Ты певно думаешь, — мовить Ъжакъ до Заяця, — что ты своими довгими лабами бѣльше докажешь?

— А такъ, — одповѣвъ Заяць.

— Можеме зробити пробу, — мовить Ъжакъ. — Ану заложѣмся, побачишь, чи я тебе не перегоню.

— Се вже смѣхъ людямъ сказати! Ты своими кривыми ногами перебѣжишь мене? — смѣявся Заяць.

— Ну, про мене, зробиме пробу, коли тебе така охота зноситъ. О что закладаемся?

— Дуката и фляшку горѣлки, — мовить Ъжакъ.

— Пріймаю, — одмовляе Заяць. — Давай руку! А теперь бѣжѣмъ!

— Ну, ну, ну, такъ нагло не маеме чого спѣшитися, — одповѣвъ Ъжакъ. — Я ще зовсѣмъ натще. Мушу напередъ пойти до дому, трошка попоѣсти, а за пѣвъ годинки верну на отсе мѣсто.

Заяць немавъ ничъ противъ того, бо и ему хотѣлося передъ тымъ похрупати троха свѣжоѣ капусты. А Ъжакъ тымчасомъ посунувъ до дому.

— Чекай ты Зайчику, — думавъ онъ по дорожѣ. — Ты надѣнешся на своѣ довгѣ ноги, але я тобѣ таки заграю не тоѣ. Правда есть, что ты паничъ великій, але у головѣ въ тебе розуму не богато. Заплатишь, небоже, закладъ, ажъ буде куритися.

Приходить Ъжакъ до дому и мовить до своеѣ жѣнки:

— Жѣнко, вбирайся скоренько, пойдешъ зо мною въ поле.

— А чого менѣ въ поле? — звѣдуе Ъжиха.

— Знаешь, я съ Заяцемъ заложився. Маеме оба бѣгати на перегоны, а кто програе, платитъ дуката и фляшку горѣлки.

— Чи ты, чоловіче, зъ розуму зойшовъ? — скрикнула Ъжиха. — Та съ Заяцемъ хочешь у перегоны бѣгати?

— Вжежъ, что хочу. И ты мусишь менѣ допомогти. Жѣнка ще щось хотѣла говорити, та Ъжакъ сказавъ до неѣ:

— Не турбуйся, жѣнко! Я вже тобѣ скажу, якъ се маеме зробити. Убирайся лишъ скоренько тай ходѣмъ у поле.

Что мала Ъжиха робити? Зобралася тай пошла съ чоловікомъ. А по дорожѣ Ъжакъ мовить до неѣ:

— Слухай, жѣнко, что я тобѣ скажу. Видишь, на отсѣй довгѣй нивѣ мають быти наши перегоны. Заяць буде бѣгти одною бороздою, а я другою. Зъ вѣдтамъ зъ горы починаеме бѣгти. Отже ты стань собѣ тутъ въ бороздѣ, и коли Заяць прибѣжить сюды, то ты пѣднеси голуу тай крикни: „Я вже тутъ!“

Такъ розмовляючи, они прійшли на умовлену ниву. Ъжакъ поставивъ свою жѣнку на еѣ мѣсце, а самъ поѣшовъ горѣ бороздою на другій конецъ. Приходить, а Заяць уже тамъ.

— Ну, чтожъ, бѣжиме? — звѣдуе Заяць.

— А вжежъ бѣжиме, — каже Ъжакъ.

— Ну, разъ — два — три!

Одинъ ставъ у одну борозду, другій у другу, а коли Заяць крикнувъ „три“, рушивъ самъ якъ вихоръ долѣ головою. А Ъжакъ пробѣгъ може зо три кроки, потомъ скулився въ бороздѣ, и вернувъ назадъ на свое перше мѣсто. А Заяць жене, что мае силы, та коли добѣгъ на конецъ нивѣ, ажъ тутъ Ъжакова жѣнка зъ другоѣ борозды кричить ему на зустрѣчѣ:

— Я вже тутъ!

Заяць тольکو очі витрѣщивъ зъ диву; ему й до головы не прійшло, чтобы се не бывъ той самый Ёжакъ, бо знаете, Ёжакъ и Ёжиха одинаковѣсенъкѣ на подобу.

— А се якъ може быти? — скрикнувъ Заяць. — Бѣжѣмъ ще разъ, назадъ до першоѣ меты!

И не передихнувши добре, онъ выхромъ полетѣвъ горѣ нивою, положивши уха на хребетъ. Ёжиха лишилася спокойнѣсенъкою на своѣмъ мѣсци. А коли Заяць добѣгъ на другій конецъ нивы, то тамъ Ёжакъ крикнувъ ему на зустрічъ: — Я вже тутъ!

Разлютився Заяць. Что за диво! Чтобы такой кривоногий Ёжакъ мене перегнавъ! И не тямлячи себе зъ досады, крикнувъ:

— Ще разъ бѣжѣмъ! До нижньоѣ меты!

— Про мене, Семене, — мовивъ Ёжакъ, — бѣжѣмъ хоть десять разъ, менѣ байдуже.

Побѣгъ Заяць, а въ низу зновъ чуе:

— Я вже тутъ!

Бѣжитъ ще разъ до горы — зновъ те саме. Такъ онъ бѣдолаха бѣгавъ, бѣгавъ сѣмдесять и три разы тамъ и назадъ, а Ёжакъ завсѣгды бывъ „уже тутъ“. Чи Заяць добѣжить до горѣшньоѣ меты, чи до долѣшноѣ, все чуе одно: „Я вже тутъ! А сѣмдесятый четвертый разъ уже Заяць не добѣгъ до меты. Саме на серединѣ нивы впавъ на землю, кровь бухнула ему зъ горла и онъ сконавъ на мѣсци. А Ёжакъ узавъ wygrannyi закладъ, дуката и кварту горѣлки, гукнувъ на свою жѣнку зъ борозды и обое пошли радосно до дому и жиють ще й доси, коли не померли.

Зайця поховали, а весь его рѣдъ зарѣкся одъ того часу не бѣгати съ Ёжаками объ закладъ, такъ что мы дѣтоньки, вже того нѣколи не побачиме. А для васъ, дѣтоньки, така наука одъ того: нѣколи не подоймай на смѣхъ бѣдного чоловѣка, хоті бы се бывъ простый нерепаный*) Ёжакъ.

ЯКОВЪ ГОЛОВАЦКІЙ:

РѢЧКА.

Чомъ, рѣченько домашняя,
Такъ плывешь поволи?
Чомъ водицѣ не розлѣешь
Зъ берегѣвъ на поле?

Годѣ плысти самотою
Часъ вже тугу збути:
Шуми, гуди филиноюю,
Щобъ далеко чути!

*) безъ огледы.

„Якъ же менѣ, родный сыну,
Не плысти поволи?
Высокіи береженьки,
Ще й ровненьке поле.

Я бы въ фалю загремѣла,
Та водицѣ мало;
За-то гладке личко мое,
Чисте якъ чюркало.

Були тучи, дощи, громы,
Воды забренѣли;

Що-жъ! пѣдрыли береженьки
Й воду сколотили.

Лучше плысти по тихоньки,
Та певненькимъ ходомъ,
Оминати островоньки,
Камѣня й колоды.

Такъ поплыну тихо, смирно,
Безъ шуму безъ горя;
Зъ личкомъ чистымъ, незмученымъ
Чей дойду до моря!“

ПАВЛО ГРАБОВСКІЙ:

СОЛОВЕЙКО.

Розтѣхався соловейко
На калиноньцѣ:
Щось не спиться середъ ночи
Сиротиноньцѣ.

Розвѣй, розвѣй, соловейку
Мою тугоньку;
Чи забуду прикру людску
Я наругоньку?

Чи знайду я коли небудь
Власну доленьку,
Чи все тягти чуже ярмо
Та неволеньку?

Тѣхка, плаче соловейко
На калиноньцѣ
Та не знае дати рады
Сиротиноньцѣ.

Грушевскій монастырь.

Коли Русины приняли христіанство въ 988 роцѣ, то и съ тымъ прійшла на Русь просвѣта. Просвѣту тоту розширяли першѣ руськѣ священники, монахи а потомъ и свѣтскѣ люде. Але найважнѣйшими мѣсяцами, звѣдки розходилося свѣтло правдивоѣ науки, были въ томъ часѣ монастырѣ. Коло нихъ повставали школы, збиралися книги у такъ званѣ книгозборы (библіотеки), писали новѣ книги и розносили ихъ по усѣхъ куткахъ нашоѣ землѣ.

Найдавнѣйшимъ монастыремъ на Руси бывъ печерскій монастырь въ Киѣвѣ, нынѣ Печерска Лавра. Называли его печерскимъ, бо монахи жили въ выдовбанныхъ скалахъ надъ рѣкою Днѣпромъ, званыхъ пече-

рами. Одси розходилися монахи по цѣлѣй Руси и закладывали такѣ самѣ печерскѣ лавры або монастырѣ званѣ обителями.

Изъ тыхъ монастырѣвъ выходили ученѣ люде, першѣ наши владыки и митрополиты кѣвскѣ. До школъ монастырскихъ посылали рускѣ князѣ и бояре свои дѣти, абы училися мудрости и богобояности.

И на Пѣдкарпатскій Руси мали мы свои монастырѣ вже изъ давна. Найстаршимъ такимъ монастыремъ бывъ мабуть монастырь въ селѣ Грушовѣ въ Мараморошинѣ недалеко Довгополя. Нынѣ вже и слѣду зъ него не остало, лишъ межи тѣнистыми буками и дубами поднимается великій камѣнный крестъ. Онъ показуе на тото мѣсто, вѣдки цѣлыми столѣттями розходилося свѣтло науки на цѣлый Мараморошъ.

Коли той монастырь основався, не маеме докладныхъ вѣдомостей. Можеме лишъ здогадуватися, что десь въ 12 вѣцѣ, бо въ тѣмъ часѣ находиме въ Карпатскихъ горахъ по другѣй сторонѣ въ нынѣшнѣй Галичинѣ дасколько такихъ монастырѣвъ.

Першѣ вѣстки за него маеме изъ часѣвъ короля угорского Бейлы IV, котрому монахи жалувалися, что пѣдчасъ нападу Татаръ (1240 р.) згорѣли имъ всѣ документы и грамоты. Изъ того видно, что татаре спалили его въ 1240 роцѣ. Монастырь той служивъ духовнымъ потребамъ не лишъ Русинѣвъ але и сусѣднихъ Волохѣвъ. Бояре волоскѣ записували часто свои маетки и подпирали его всякими способами. Слава его розносилася широко такъ, что навѣтъ царьгородскій патріярхъ взявъ его пѣдъ свою опѣку. Въ роцѣ 1391 выдавъ царьгородскій патріярхъ грамоту, котрою подчинивъ всѣхъ Русинѣвъ и Волохѣвъ, что жили въ Мараморошѣ, Угочи та Семигородѣ, настоятелеви того монастыря. Одъ того часу той настоятель мавъ епископску власть и доходы. Но коли засновано перше руське епископство въ Мукачевѣ при кѣнци 15. столѣтя, король угорскій въ роцѣ 1491 пѣддавъ вѣрныхъ изъ згаданныхъ областей и такожъ архимандрита грушевського монастыря Иларія пѣдъ власть мукачевского епископа Йоанна.

Грушевскій монастырь бывъ славный не лишъ тому, что тамъ панувало глубоко религійне и богобойне житя, а дале что архимандритови того монастыря черезъ 100 лѣтъ были подчиненѣ вѣрнѣ изъ цѣлоѣ Мараморошины, Угочи и части Семигороду, але онъ бывъ заразомъ мѣсцемъ, изъ котрого ишла культура и просвѣта не лишъ на Подкарпатску Русь але и на Волощину. Тамъ около 1640 року находилася друкарня, въ котроѣ печатали рускѣ церковнѣ книги, а потомъ и волоскѣ. Въ половинѣ 17. столѣтя знищено то славне мѣсто нашоѣ краины. Здається, что спалили его Поляки, котрѣ гнали за семигородскимъ княземъ Юріємъ II. Ракоціємъ, что бывъ напавъ на нихъ. Въ роцѣ 1668

одобрано монастиреви всѣ добра и одъ того часу можъ казати монастирь вже не истнувавъ.

Такъ зойшла слава грушевскоѣ обители, котра черезъ кѣлько вѣкѣвъ розносила межи Русинами и Волохами правдиве свѣтло науки христовоѣ и подносила просвѣту нашего народа.

ВАСИЛЬ ПАЧОВСКІЙ:

ТРИЕ ЦАРѢ.

I.

Въ Ужгородѣ мѣсяць сходить,
Свѣтять зорѣ, Угъ искриться,
Мрѣе замокъ, дзвонять дзвоны,
А Юркови диво сниться:

Щедрый вечеръ въ Срѣбнѣй Руси —
Чи господарь нашъ е дома?
Ѣдутъ въ гостѣ трие царѣ,
„Идутъ со дары“ кѣньми трьома,

А летять якъ три соколы
Зъ рѣжныхъ сторонѣ до столицѣ
Черезъ горы, черезъ доли —
А ихъ очи блискавицѣ!

Першій гѣсть: изъ гѣръ Токаю,
Князь Ляборецъ¹⁾ у коронѣ,
Въ златѣй зброѣ; кѣнь якъ сокѣлъ
Винна лоза у долонѣ.

Другій гѣсть: изъ Мукачева,
Корятовичъ, князь Подоля,²⁾
Въ срѣбнѣй зброѣ; кѣнь якъ
воронъ —
Снѣпъ пшеницѣ везе съ поля.

Третій гѣсть: Петро

Петровичъ³⁾,
Гордый панъ у зброѣ зъ крицѣ;
Кѣнь якъ орелъ — а въ десницѣ
Скарбъ огнистый зъ Маковицѣ.

II.

Впали всѣ три опѣвнѣчи
Середъ замку кѣньми трьома:
Щедрый вечеръ, Срѣбна Русе,
Чи господарь твоѣ е дома?!

Не е дома, спить у горахъ
Панъ господарь, славиѣ гостѣ;
А въ коморахъ въ его дворѣ
Грае орда на помостѣ!

Лються вина, вються дѣвы
У чардашовѣмъ акордѣ,
А крикливѣ спѣвы лються
Въ мовѣ рѣднѣй дикѣй ордѣ!

И заплакавъ князь Ляборецъ
И заплакавъ Корятовичъ
И промовивъ за сльозами
Гордый панъ, Петро Петровичъ:

¹⁾ Князь Ляборецъ полягъ въ битвѣ зъ Мадярами 895 р.

²⁾ Князь Корятовичъ Федоръ прибывъ до насъ зъ Подоля въ другѣй половинѣ XIV. вѣка.

³⁾ Петро Петровичъ, рускій вельможа, поднявъ бунты (1305—1323) проти Мадярѣвъ и полягъ въ замку Макъ пѣдъ Топлею 1323. р.

„Чуете, якъ вѣра наша
Славить орду въ чуждой мовѣ?
Замѣнила нашу славу
На чардаша въ родной кровѣ!“

„И кому несеме дары:
Вино, злато и пшеницу?
Якъ продали наши внуки
Ордѣ нашу кервавицю!“

III.

Князь Лаборець ставъ якъ хмара,
А Петровичъ закрывъ очи —
Корятовичъ кинувъ зъ валу
Свои очи въ темѣнь ночи:

А въ низу тамъ въ одной хижѣ
Свѣтло блимае зъ вѣконця,
А бабуся припадае
До Юрка немовъ до сонця.

Вѣнъ збудився, ревно плаче,
Що матусѣ не е дома —
Бдуть въ гостѣ тріе царѣ,
„Бдуть съ дары“ коньма трьома!

А бабуся знае добре
Свого внука и спѣвае
Пѣсню: „Нова радость стала...“
Зъ неѣ хата вся сіяе!

Юрчикъ слуха' звуковъ пѣснѣ —
Хто ихъ чуе, всѣхъ чарують:
Чуе мѣсяць, чуютъ зорѣ,
Тріе царѣ въ замку чуютъ...

И промовивъ Корятовичъ:
„Ось де наша княжа мова!
Въ бѣдну хижу заховалясь
Наша пѣсня пречудова!“

IV.

„Тамъ бабуся колядуе,
Юрчикъ слухае, сѣрома —
Вѣнъ пріавъ бы насъ у гостѣ,
Та господарь не е дома!“

„Нянько рѣже въ горахъ дрова:
Жидѣ взявъ хату и стодолу,
А мамуся и бабуся
Повезли его у школу.“

„И наймили въ того жиди
Ту темницю земляницю —
Та вѣнъ вчиться, буде паномъ,
Въ него выкупить землицю.“

„Ай мамуся въ таке свято
Пѣшла ему блюда мыти —
Тамъ панове и жидове
Будуть ѣсти, будутъ пити.“

„Тамъ панове и жидове
Чардашуютъ въ сѣблѣ-злотѣ:
А Юрко не мавъ вечерѣ,
Бо Матуся на роботѣ!“

„Ай вона принесе завтра
Ему бубликовъ три пары —
Та ми ѣдме тамъ у гостѣ
И Юркови зложѣмъ дары!“

V.

Завернули быстрѣ конѣ —
Однимъ скокомъ блискомъ сонця
Тріе царѣ опинились
Коло хижѣ край оконця.

На Юрка все спозирае
Що на лѣжку сѣвъ и мрѣе —

Зновъ бабуса повѣдае
Про царѣвъ тыхъ, якъ умѣе:

Про Лаборця злотокнязя,
Про витязя зъ Маковицѣ,
Про царя зъ крестомъ на щитѣ,
Що вбивъ змія зъ Латорицѣ.

Юрчикъ слуха, а у нього
Свѣтять очи наче зорѣ —
А бабуса сыпле перлы,
Що яснѣли въ темномъ морѣ:

„Тѣ три царѣ суть мѣжъ нами,
Чують кривду нашу, сыну —
Лемъ чекають зъ яснымъ громомъ
На великую годину!

„Въ ту годину грѣмъ ударить,
Встане витязь середъ поля —
Вороги пропадуть наши
И на нарѣдъ прійде воля!

VI.

„И прилынуть тріє царѣ
Принесуть намъ сыну дары:
Вино, злато и пшеницю;
Що украли намъ Мадяре“.

Може будешъ ты той витязь,
Якъ виростешъ ти зъ водицѣ;
Прійдуть въ гостѣ тріє царѣ,
Ты ихъ приймешъ у столицѣ!“

„Въ тѣй торбинѣ, що ты носишь
Книжочки, ты найдешъ чары;
Вино, злато и пшеницю,
Кѣлько схочешъ, всѣмъ на дары!

„Тай засѣнешъ намъ пшеницю,
Посадишь вино на зворахъ —

Обзолотишь цѣлый нарѣдъ,
Що марнуеся у горахъ!“

Хлопецъ слуха, хлопецъ чуе.
И буйна уява грае —
Свѣтять очи якъ два сонця,
Вѣнь бабусѣ повѣдае:

„Я не хочу того злата,
Нѣ вина, анѣ пшеницѣ —
Хочу мати мечъ огнистый,
Що мавъ витязь зъ Маковицѣ!“

VII.

„Буду бити вражу силу,
Ажъ прочищу Русь цѣлую
Хрестъ на щитѣ хочу мати
И корону золотую!

„Хрестъ на щитѣ я повѣшу
На тѣмъ замку въ Мукачевѣ,
А корону золотую
Дамъ цареви у Кієвѣ!“

Нагло дверѣ розоперлись:
Вносить мечъ Петро Петровичъ,
А Лаборецъ князь корону —
Хрестъ на щитѣ Кор'ятовичъ.

„Будешъ быти вражу силу!“
Кажуть въ голосъ тріє царѣ;
А Лаборецъ ему каже,
Якъ зложили все у дарѣ:

„Рости смѣлый, дужій, гордый,
Двигни нове поколѣня,
Зо дна моря добудь волю
Зъ тысячлѣтного терпѣня!

„Въ тобѣ, сыну, наша сила,
Наша гордѣсть, наша слава!

И розтрубить и роздзвонить
Твое имя вся держава!“

* * *

И въ снѣ видиться Юркови
Що змія вѣднѣ убивае;

Нарѣдъ кличе: Слава, слава!
Витязь Юрій конемъ грае.

Въ Ужгородѣ сонце сходить,
Срѣбна Русь у свѣтлѣ тоне —
Трублять трубы въ Перемишлѣ,
А въ Кіевѣ дзвонять дзвоны.

БЕРЕГСАСЬ, 22. януарія 1921. р.

Грибы.

Лѣтомъ або въ осени, якъ почне по дощахъ парити сонце, багато з'явиться грибѣвъ въ лѣсахъ та на зрубахъ. Найдешь тамъ бѣлѣ грибы, сыроѣжки, печерицѣ, опеньки и багато иншихъ. Люде збирають ихъ, сушать, або заразъ таки смажуть и ѣдять. Лишъ не всѣ грибы можна ѣсти, бо багато межи ними есть отруйныхъ — отъ якъ мухоморъ. Зъ виду сей грибъ дуже красный: високий, зъ червою шапкою, а по нѣй бѣлѣ крапельки. Якъ зѣсти его, заразъ закрутиться голова, въ очахъ стае жовто, а въ животѣ схопляють кольки.

Суть еще и такѣ грибы, что растутъ пѣдъ землею. Звуться они т р у ф л я м и. Свинѣ далеко чують ихъ и черезъ те, чтобы найти ихъ, пускають свиней, тѣлько попереду насувають имъ на рило желѣзнѣ кѣльця, чтобы не зѣли тыхъ грибѣвъ, якъ вырыють. А ота плѣснь, что имається хлѣба або сыра, або вогкихъ стѣнъ у хатѣ, то такожъ дуже маленькѣ грибки, котрѣ растутъ одинъ коло другого.

Кто не знаеся на губахъ (грибахъ) добре, най запам'ятае собѣ отсе: Старыхъ, червивыхъ, пороховыхъ губъ не треба збирати. Губы, котрѣ пускають изъ себе молочко, небезпечнѣ и тому найлѣпше ихъ не брати.

Ѣдовитѣ губы мають неприемный запахъ, особливо коли розтерти ихъ въ пальцяхъ. Коли шкодливу губу розтерти або розкряти ножемъ, то она звичайно стане въ тѣмъ мѣсци синя або темна. Коли кусникъ ѣдовитоѣ губы роскусити, то заразъ пече або щипае языкъ, але лучше того не чинити.

ВОЙНА ГРИБОВЪ ЗЪ ЖУКАМИ.

Якъ загадавъ боровикъ,
Надъ всѣ грибы полковникъ,
Пѣдъ дубочкомъ сидячи
Та на грибы глядячи,
На жукѡвъ ити войною
Изъ громадою грибною.
Посылае посланцѣвъ,
Геть по лѣсови гонцѣвъ,
Чтобъ трубили, чтобъ гукали,
Чтобы губ-грибѡвъ скликали.
Обозвались печерички,
Прехорошѣ молодички:
„Мы-жъ все дома сидиме
Та газдовство глядиме.“
Обозвались опеньки:
„У насъ ноженьки тоненькѣ
Мы-жъ не виннѣ тому,
Не пѡйдемъ мы на войну.“
Обозвались маслюки,
Лежибоки товстюки:
„Та нехай имъ, тымъ жукамъ,
На что здались они намъ!“
Обозвались сирѡжки:

„Мы до того торгу й пѣшки,
Отъ лише пождѣтъ насъ трѣшки,
Поки вылѣземе зъ дѣжки.“
Обозвались бѣляки:
„Что жъ — мы зъ роду козаки.
Мы жукѡвъ тыхъ порубаемъ
Посѣчемъ та пострѣляемъ.“
Обѣзвались рижки:
„Где они отъ жуки?
Ось мы заразъ идеме,
Ихъ на роги возьмиме!“
Обозвались мухоморы:
„Завдаме жукамъ мы горе!
Мы отруты имъ даме,
Цѣлтѣ купы вкладеме!“
Обозвались ковпаки,
Тѣ завзятѣ козаки:
„На жукѡвъ мы пѡйдемъ
Порубаемъ посѣчемъ!“
А за ними горчаки,
Забіяки — парубки,
Загули гей бы въ дзвѡнъ:
„Ой горькій буде имъ хрѣнъ.“

Якъ рослина здобувае собѣ їжу.

(За Спиридономъ Черкасенкомъ).

Кажда тварина одъ того росте, что она годується. Коли еѣ їжа добра — она росте красше, коли недобра она марнѣе, перестае рости та й зовсѣмъ гине. Камѣня не росте, бо не годується. Рослина зновъ росте, а изъ того выходитъ, что она годується. Але якъ же рослины годуються, коли сего нѣкто не видѣвъ. Стоять они собѣ нерухомо на однѡмъ мѣсци, гей бы того годованя зовсѣмъ не знаютъ. Тымчасомъ не такъ оно. Рослины мають свѡй корѣнь, котрый все рыесе пѣдъ землею тай достарчае имъ звѡдси потрѣбный кормъ.

Корѣнь каждоѣ рослины роздѣляеся въ земли за меншѣ корѣнцѣ, спершу грубшѣ а дальше все тоншѣ и тоншѣ. На кѡнци выглядаять

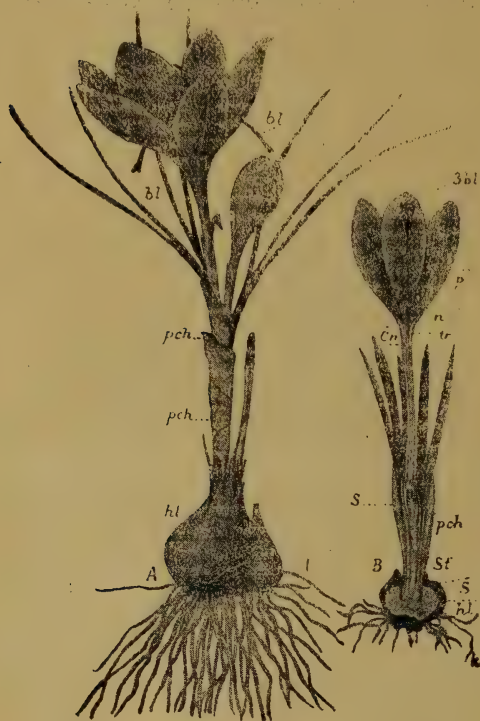
они вже гей бы ниточки або волосинки. Сими ниточками рослина и годується. Якъ шкурка ихъ дуже тоненька, то крозь неѣ и просысається поволи изъ землѣ въ середину корѣня вода и все те, что въ нѣй розпущене (поташъ, салитра, соль), и приходитъ потомъ дальше въ стебло, галузя и листья. Коли тотѣ ниточки стрѣнуть по дорожѣ такѣ частички землѣ, что у водѣ не розпускаются, тогды они выпускають изъ себе

особливѣ кислоти, якѣ розпускають частички землѣ. Ажъ тогды вже сѣ частички землѣ легко проходятъ въ середину корневыхъ ниточокъ, а дальше въ стебло и листья.

Коли вже корѣнь достарчае рослинѣ поживы, то звѣдуеме, на что ѣй листья. Може оно лишъ служить рослинѣ, якъ убраня, котре въ осени пожовкши одпадае. Та нѣтъ. Рослина та всяка деревина тогды только росте и живе, коли на нѣмъ листъ. Мыжъ выдиме, что коли гусѣнь обѣѣсть листъ, тогды нѣ дерево нѣ рослина не росте. Чому то такъ? А то тому, что рослина своимъ листьямъ дихае такъ само, якъ тварина легками. По листу суть порозкиданѣ всюды малесенькѣ дѣрочки — дыхальця, котрыми она дыхае. Сѣ дыхальця на око такѣ маленькѣ, что ихъ на око зовсѣмъ не знати.

А чтобы ихъ побачити, то треба

подивитися крозь побольшающее шкло зване микроскопомъ, котре побольшуе кѣлько сотъ разъ. Тогды можна видѣти, что кожде дыхальце облямоване нѣбы двома губами, черезъ что дыхальця выглядють нѣбы роты. Сѣ губы розтуляються и затуляються. Розтуляються звичайно у мокру годину, а затуляються у суху. Якъ бы дыхальця были затуленѣ и въ засуху, то рослина выпускала-бы изъ себе стѣльки пары, что зъ того зовсѣмъ зовялабы та змарнѣла. Такъ само гине рослина безъ свѣтла якъ и безъ повѣтря. Безъ свѣтла рослина такожъ гине, а повѣтря потрѣбне еѣ до годованя. Деревя, куши и травы не тѣльки дыхають нимъ але и годуются. У повѣтрѣ есть така для насъ незрима ѣжа, яку жадобно ловлять листья рослинѣ.

Якажъ то ѣжа? У повѣтрѣ, якъ знаеме есть газъ, котрый зведе кисень. Нимъ дыхаютъ люде, звѣрята и рослины. Але въ повѣтрѣ есть еще иншій газъ, непотрѣбный людемъ але дуже потрѣбный рослинамъ. Той газъ зветься вуглеквасъ. Вуглеквасъ есть та незрима ѣжа, яку высыпають зъ повѣтря листь рослины. Онъ складаеся изъ двоухъ частей: угля и кисеня.

Рослины тоту ѣжу хоснують такъ: Маленькѣ частины вуглеквасу, что лѣтають у повѣтрѣ, проходятъ крѣзь дыхальця. Черезъ сонѣчне свѣтло вуглеквасъ розкладаеться въ серединѣ рослины на своѣ складовѣ части — на уголь и кисень. Кисень утѣкае назадъ у повѣтря а уголь остаеться въ листьяхъ. Тамъ получаеся зъ водою и иншими рѣчами, якѣ ввойшли изъ землѣ до рослины, и вытворюе той сокъ, изъ якого вырастають галузки, квѣтки, овочи и вся рослина росте въ ширину и въ довжину.

Люде выдыхаютъ изъ себе вуглеквасъ а рослины его забирають, розкладають его въ собѣ на уголь и кисень, уголь собѣ лишаютъ а кисень оддаютъ повѣтрю назадъ, что потомъ зновъ люде и звѣрята вдыхаютъ.

Выходить, что въ природѣ все упорядковане, что всѣ люде и тварины, и всѣ рослины суть однѣ другому дуже користнѣ. Что не треба однимъ то потрѣбне другимъ.

Затъмѣня мѣсяця.

Въ попереднѣмъ числѣ мы говорили, что якъ мѣсяць въ своимъ бѣгу стане межи землею и сонцемъ и кине свою тѣнь на солнце, тогда солнце затемнѣе. Звычайно темнѣе лише его часть, а рѣдше цѣле або его середина.

Новинки подавали напередъ, что дня 8. апрѣля мало у насъ быти видно цѣлковите затъмѣня сонця. Тымчасомъ у насъ темнѣла лишь одна его частина. Цѣлкомъ сонця не было видно дальше въ пѣвночныхъ (сѣверныхъ) краяхъ.

Такъ якъ съ сонцемъ, бывае и съ мѣсяцемъ. Бывае не разъ, что въ ночи часть мѣсяця потемнѣе або навѣтъ и цѣлый. То тревае короткѣй часъ часомъ пѣвъ години а часомъ и бѣльше. Одъ чого то походить?

Такъ якъ мѣсяць стане часомъ по серединѣ межи землею и сонцемъ и закрые своею тѣнею солнце, такъ само и земля може стати по серединѣ межи мѣсяцемъ и сонцемъ. Тогда земля кидаетъ свою тѣнь на

мѣсяць. Одъ тоѣ тѣни и стае мѣсяць темнымъ. Таке затъмѣня называея цѣлковитымъ затъмѣнямъ мѣсяця. Коли земля стане саме по срединѣ межи сонцемъ та мѣсяцемъ, анѣ выше, анѣ низше, тогды еѣ тѣнь закрые мѣсяць цѣлкомъ. Даколи зновъ земля не стане по самой срединѣ межи сонцемъ и мѣсяцемъ а трошки въ бѣкъ, тогды она закрые лишъ частину мѣсяця, а друга часть буде намъ свѣтити. Того рода затъмѣня называея частиннымъ затъмѣнямъ мѣсяця.

Въ той способъ мы выяснили частѣ явища небеснѣ, про котрѣ кождый чоловікъ мусить знати. Все те можна досвѣдчити, такъ якъ мы описували въ попередномъ числѣ.

А но дѣти, попросѣтъ вашего пана учителя, абы вамъ тото все выяснивъ и досвѣдчивъ изъ свѣчкою та малыми округлыми предметами якъ орѣхъ, яблоко, або головою капусты!

ЗАБАВЫ И СТИХИ ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ МОЛОДЕЖИ.

подавъ: И. П. ВАСКОВЪ.

Папѣрь всѣ мы достанеме,
Працювати съ нимъ будеме,
Чотыриугольный, бѣлый,
Не дорогій но намъ цѣнный.

Теперь въ одно спѣвайме
И на персткахъ бѣгайме,
Двигатися добро е
Бо то тѣло вкрѣпляе.

Загинати го знаеме,
Рѣчи зъ него здѣлаеме,
Якъ готовѣ рѣчи будутъ,
Всѣхъ насъ матки поцѣлуютъ.

Перстками кивайме
И локтями вбертайме,
Въ право въ лѣво погнѣмся
Три разъ скокомъ кинѣмся.

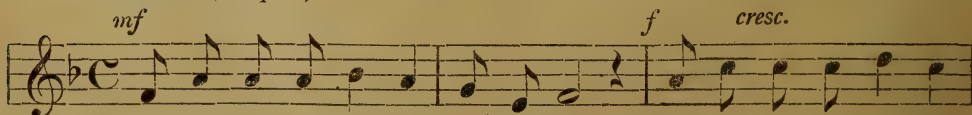

Забавы и игры.

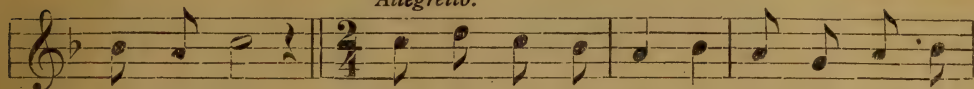
3. Подоляночка.

Дѣти уставляются въ колесо. Одна дѣвчина стоить въ срединѣ колеса и виконуетъ рухи послѣ словъ пѣснѣ.

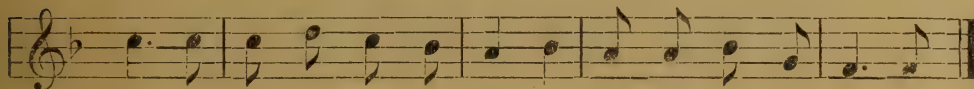
Moderato. (Мѣрно.)

Десь тутъ бу - ла по - до - ля - но - чка, Десь тутъ бу - ла мо - ло -

Allegretto.

де - сень - ка, Тутъ о - на сто - я - ла, До зе - млѣ при -

па - ла Ли - чко не вми - ва - ла, Бо во - ды не ма - ла.

Ой встань, ой встань, Подоляночко,
Обмий личко якъ ту скляночку,
Возьмися за боки, за свои скоки,
Пѣдскочи до раю, бери дѣвча зъ краю!

При словахъ „бери дѣвча зъ краю“ вибирае тота, котра въ се -
рединѣ, одну дѣвчину зъ колеса и тота лишаеся въ срединѣ.

НАРОДНѢ ПРИПОВѢДКИ.

Весна нашъ отецъ и мати: кто не сѣе не буде збирати.

Лѣто на зиму робить.

Въ осени и воробецъ богатый.

Зима! кожуха нема, чоботи ледащо и ѣсти нема що.

СОДЕРЖАНЯ: Изидоръ Воробкевичъ: Вечеръ. (ст. 65.) — Иванъ Франко: Заяць и Ъжакъ. (ст. 65.) — Яковъ Головацкій: Рѣчка. (ст. 68.) — Павло Грабовскій: Соловейко. (ст. 69.) — Грушевскій монастырь. (ст. 69.) — Василь Пачочскій: Триє царѣ. (ст. 71.) — Грибы. (ст. 74.) — Война грибѣвъ съ жуками. (ст. 75.) — Якъ рослина здобувае собѣ ѣжу. (ст. 75.) — Затьмѣня мѣсяця. (ст. 77.) — Забавы и стихи для школьноѣ молодежи, подавъ И. П. Васковъ. (ст. 78.) — Забавы и игры. 3. Подоляночка. (ст. 78.) — Народнѣ приповѣдки. (ст. 79.)

Замовляйте для своѣхъ дѣтей новинку

„ВѢНОЧОКЪ“

для ПОДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Позабавляться, потѣшаться и познають красоту
рѣдного языка и своѣ милоѣ краѣнки.

Выходить мѣсячно и коштуе 12 Кор. ч. рѣчно.

Для себе замовляйте новинку

„ЗОРЯ“.

Найдете въ нѣ много доброго и поучительного
чтенія. Каждый русинъ и русинка, котрый знае
читати и писати, мусить ту новинку читати.

Выходить два рази на мѣсяць и коштуе для селянь
10 Кор. ч. рѣчно.

Необхѣдно нужна каждому учителю, воспита-
телю и захоронницѣ ѣхъ новинка

„УЧИТЕЛЬ“.

Выходить разъ въ мѣсяць и коштуе 12 Кч. рѣчно.

Замовляйте и гроши посылайте на адресу:

Торговля книжками и паперомъ

„ЖДИМАЛЪ и ВЕТЕШНИКЪ“,

Ужгородъ, Варая улица ч. 32.

ВѢНОЧОКЪ

ДЛЯ ПОДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

вс

Выходитъ 15. каждого мѣсяца окрѣмъ юлія и августа.

Редакторъ: Дръ. ИВ. ПАНЬКЕВИЧЪ. Предплата Кч 12.— на рѣкъ. Поодинокое число Кч 1'20.

Выдае Школьный отдѣлъ цивильноѣ управы Подкарпатскоѣ Русн.

Адресъ: ВѢНОЧОКЪ, УЖГОРОДЪ, ул. Вараля ч. 32.

Рѣчникъ II.

Ужгородъ, 15. юня 1921.

Число 6.

Кто не одержавъ попередныхъ чиселъ „Вѣночка“, най пише до администраціи Вѣночка — Ужгородъ, Вараля ч. 32. а одержить сѣйчасъ пожадане число.

Кто еще не заплативъ на сей рѣкъ, най гроши заразъ прише на ту саму адресу.

ОСИПЪ МАКОВЕЙ:

ОБЖИНКОВА ПѢСНЯ.

Конецъ той нивѣ, конецъ,
Будеме плести вѣнецъ,
Звяжеме жито въ снопы,
Зложиме збѣже въ копы.
Пойдемъ до господинѣ,
Даме вѣночокъ нынѣ:

Прійми вѣночокъ зъ жита,
Зъ нивы, что градомъ збита.
Маленька была нива,
Маленькѣ зъ неѣ жнива.
Дастъ Богъ, нарѣкъ зарѣдить,
Неврожай нагородить.

ИВАНЪ ФРАНКО:

Ворона и Гадюка.

На дупластой, головатой вербѣ надъ рѣчкою звыла собѣ Ворона гнѣздо. Не надѣючися нѣякого лиха, нанесла яецъ. Коли повицльовувалися Вороненята, стара Ворона полетѣла шукати для нихъ поживы.

Та въ дуплѣ тоѣ вербы загнѣздилася чорна Гадюка. Она тольки того й ждала, абы Ворона вывела молодыхъ, и скоро тольки стара вылетѣла зъ гнѣзда, заразъ Гадюка вылѣзла изъ своеѣ норы, вповзла

до гнѣзда, хопила одно Вороненя и понесла собѣ на страву. Прилетѣла Ворона, позирае, а одноѣ дитинки нема. Покракала, покракала, тай перестала, бо что мала робити? А на другій день глянь! уже й другоѣ дитинки нема: не минувъ тыждень, а Воронинѣ дѣти, шей неопѣшишь, усѣ пощезали. Что вже кракала та нарѣкала стара Вороня, нѣчто не помагало. Прійшлося нести ще разъ яйця и высиджувати ихъ зновѣ. Та ба й за другимъ разомъ таке саме лихо. Скоро тѣлько Вороненята повыкльовувалися и мати полетѣла шукати для нихъ поживы, Гадюка день поза день вылазила на вербу и брала собѣ одно Вороненя за другимъ.

Та ось разъ подгледѣла Ворона, кто еѣ ворогъ тяжкій. Побачила Гадюку, якъ та брала еѣ послѣдне Вороненятко. То то крику было на все поле! Та что зъ того! Хоть Ворона, стоячи при входѣ до Гадючиноѣ норы, надирала собѣ горло, лаючи та проклинаючи погану розбойницю, Гадюка въ норѣ хрупала еѣ дитинятко. Она чула себе безпечною, бо знала, что Ворона не може їй нѣчого зробити.

Помѣркувала и сама Ворона, что крикъ и плачъ нѣ до чого не доведуть и пошла до кумы Лисички просити порады.

Ой кумонько, мовила Ворона — порадь менѣ что маю чинити зъ поганою сусѣдкою, чорною Гадюкою? Жіе въ тѣй самѣй вербѣ, что й я, та на мое лихо! Два разы вже я высидѣла дѣточокъ, и оба разы ота дводушница повитягала менѣ ихъ изъ гнѣзда и пожерла! А я нѣякъ не можу досягти еѣ въ тѣй норѣ!

Подумала Лисичка, головкою покитала, хвостикомъ помахала тай каже:

— Тутъ кумонько, силою нѣчого не зробишь, тутъ треба на хитрощи взятися.

— Та я то и сама вижу — мовила Ворона, — коли бо на лихо собѣ нѣякоѣ хитрости не умѣю придумати.

— Я тобѣ, кумо, ось что скажу. Тутъ у рѣцѣ часто царська дочка приходить купатися. Подглянь ты еѣ, а коли царѣвна положить на березѣ золотый ретязъ, або яку иншу блискучу рѣчь, то ты вхопи и лети зъ нею, але такъ, абы царскѣ слуги видѣли тебе. Они будутъ кричати и бѣгти за тобою, а ты лети просто до вербы и вкинь тоту рѣчь у Гадючине дупло, а сама лети на бѣкъ. Побачишь тогды, что зъ того буде.

Послухала Ворона Лисиччиноѣ рады. Скоро тѣлько царѣвна прійшла купатися и роздяглася на березѣ та положила на пѣску свѣй блискучій золотый ретязъ, Ворона прилетѣла тай хапъ той ретязъ у ротъ и давай утѣкати. Увидѣли то царскѣ слуги, съ крикомъ кинулися за Во-

роною, а та простѣсьнько до своеѣ верби. Кинула ретязь у Гадючину нору, а сама сѣла собѣ на иншомъ деревѣ близенько тай глядитъ, что зъ того буде.

Прибѣгли слуги до верби. Они видѣли, что Ворона зъ ретяземъ спускалася недалеко землѣ, а потомъ подлетѣла вже безъ ретязя. Значить, тутъ десь муѣла его выпустити! Почали шукати, шпортати, ажъ далѣ одинъ угледѣвши дупло, зазирнувъ до него и побачивъ, что ретязь блищитъ въ серединѣ. Заразъ они розкопали нору, ажъ позинають, у норѣ лежить величезна чорна Гадюка. Не звѣдовали слуги, чѣмъ Гадюка въ крадежи ретязя зовсѣмъ не винувата, вытягли ю зъ норы и убили, а ретязь узяли. А Ворона урадовалася дуже, побачивши смерть свого ворога, и одъ того часу жила собѣ спокойно.

СОНЯШНИКЪ.

До сонця я подхожій
И сонце я люблю:
За солнцемъ повертаю
Я голову свою.

Стою стрункій, высокій
Въ зеленѣмъ шатю я.
И золотомъ убрана
Головонька моя.

На каждой загородѣ
Вы бачите мене,
И всѣ вы ѣли зъ мене
Насѣнячко смачне.

Капуста.

Дай же, Боже, добрый часъ, чтобы моя капусточка пріймалася й у головки складалася! Чтобы моя капусточка была изъ корѣня корѣнистая, изъ листу головистая; чтобы не росла высоко, а росла широко; чтобы была туга, якъ камѣнець, — головата, якъ горнець, а бѣла, якъ полотно.

Рослины дармоѣды.

(За С. Черкасенкомъ.)

Не всѣ рослины здобувають собѣ ѣжу прямо изъ землѣ. Суть межи ними и такѣ, котрѣ своими корѣнцями имаються до якоиса иншоѣ рослины и тягнуть зъ неѣ соки. Такѣ рослины звутся звычайно чужоѣдами. Они легкимъ способомъ безъ великоѣ працѣ ѣдятъ нужу ѣжу, котру собѣ зготовили иншѣ рослины изъ повѣтря и землѣ. Такѣ рослины, что сами не тягнуть поживы прямо изъ землѣ а лише жиють соками другихъ рослинъ, зведе рослинами дармоѣдами. Зъ нихъ нема нѣякоѣ користи, але противно, нищать они тотѣ рослины, на котрыхъ сѣдають.

Межи такими рослинами дармоѣдами есть одна дуже шкодлива рослина, котра сѣдає на голузяхъ тополѣ, дуба, вѣльхи або и другихъ деревъ — а се есть омела.

Она приростає до голузи дерева, куди еѣ приносять звычайно птицѣ зерняшками. Она скоро пріймаєся, розмножуєся и выдає изъ себе липке насѣня на вподобу круглымъ ягодамъ. Такимъ способомъ насѣня приципляєся скоро на другѣ голузки и за кѣлька рокѣвъ обсѣдає тотя паскуда цѣле дерево. Выходить таке, что омела стає бѣльшою, якъ голузя дерева. Дерево на тѣмъ дуже терпить. Мѣсто саме розвиватися, оно мусить кормити дармоѣда. Черезъ того оно хирѣє, росте помало, а часомъ и зовсѣмъ гине.

До такого скорого розмножуваня дармоѣда — омели допомагають головно птицѣ а передовсѣмъ дроздъ. Онъ дуже любить липкѣ ягоды омелы. Наѣвшихъ ихъ досхочу, дроздъ перелѣтає на иншѣ здоровѣ дерева и переносить на нихъ прилиплѣ до его нѣгъ ягоды съ насѣнямъ тоѣ шкодливоѣ рослины.

Дрогою такою рослиною - дармоѣдомъ то повутиця. Она жиє на рослинахъ стебловыхъ на травахъ, городовинахъ, обкручуєся кругъ стебелъ, стромляє въ нихъ своѣ соски (рѣдъ губъ, котрыма сѣсе) и высосає изъ тыхъ рослинъ потрѣбнѣ до ихъ житя соки.

Суть зновъ и такѣ рослины-дармоѣды, котрѣ присмоктуються до корѣня рослинъ. Такими суть петрѣвхрестъ и заразиha, котрѣ тягнуть соки изъ конопель и тютюну (догану). У тыхъ дармоѣдѣвъ нема корѣнцѣвъ, але кульки-соски, а на стеблахъ мають замѣсть листь луску.

БОРИСЪ ГРИНЧЕНКО:

МОГУТНЫЙ КОМАРЬ.

Надъ ставкомъ*) широководымъ
Посередъ очеретѣвъ**),
Тамъ комарь, славетный лицарь
Пѣдъ листомъ зеленымъ живъ.

Грабъ у сурму голосную
И до бою выкликавъ
И лъ людей, и у звѣрины
Крѣовы безлѣчь выпивавъ.

И его никто на свѣтѣ
Ще й разу не подолѣвъ:
Нашъ комарь уславивсь гучно
Середъ мухъ и комарѣвъ.

Всѣ казали, що одъ него
Свѣтъ ще дужчого не знавъ, —
Самъ комарь тому повѣривъ,
Самъ що дня про те казавъ.

Довго бъ нашъ комарь щасливо
У великѣй славѣ живъ,
Якъ бы онъ не чувъ про лева,
Що царемъ бувъ у звѣрѣвъ.

Прилѣтала муха жвава
И казала, що она
Лева бачила и силы
Въ свѣтѣ бѣльшой не зна.

Запеклося коло серця,
Защемѣло въ Комаря,
И забути онъ не може
На звѣрячого царя.

Мучить думка та проклята,
Що одъ него дужчій е
И у серцю Комаревѣмъ
Гордость лютая встае.

Ось выпростуе онъ крыла,
Знявся й лѣсомъ вже летить,
Ажъ туды, де левъ могутный
Пообѣдавши лежить.

Въ сурму голосно ударивъ:
„Гей ты, леве, уставай!
Будемъ битися ажъ поки
Зъ насъ комусь та прійде край.“

„Бо на сѣй земли широкий
Мѣсця двомъ немає намъ —
Хочу славы я придбати
И собѣ, и комарямъ!“

Ту-жъ хвилину вже кусае
Лева въ нѣсъ швидкѣй***) комарь
И одразу, заревѣвши,
Скочивъ тутъ звѣрячій царь.

И запекла закипѣла
Середъ нихъ борьба въ ту мить
Въ щоки, въ нѣсъ комарь кусае,
Налѣтае и дзичить.

Левъ лютуе! Ще нѣколи
Такъ нѣкто не докучавъ!
Одбивавшися, всю голову
Вже онъ кохтями подравъ.

*) Ставъ, ставокъ = мале озеро, изъ котрого звичайно вытѣкае вода рѣчкою.
Въ ставахъ годують рыбы, якъ шуки и коропы.

**) Очереть = трость, ростуча на ставахъ або болотахъ.

***) Швидкѣй = скорый.

Та комарь усе лютѣйше,
Налѣтае, не вгава;
И царева похилилась
На дернину голова.

Закровавленный, безсиленный
Впавъ на землю дужій царь
И, зрадѣвши невымовно,
Задзичавъ тогда комарь.

„Той у свѣтѣ есть найдужчій
Кто найдужчого здолѣвъ:
Свѣтломъ славы осѣянный
Я вернусь до комарѣвъ!“

Онъ летить — великій лицарь, —
Лѣсъ потроху вже минавъ...
А павукъ давно мѣжъ листьямъ
Павутина хитро ткавъ.

И комарь у хитрѣ сѣти
Тамъ заплутавсь и повисъ
Скрики жалобнѣ одразу
Тутъ почувъ зеленый лѣсъ:

„Такъ зъ великими буває!
На що-жъ, доле, ты така?
Подолѣти змѣгъ я лева,
Гину я одъ павука!“

Такъ загинувъ лицарь славный
И павукъ его излѣвъ
И про него всѣ забули
Середь мухъ и комарѣвъ.

А. ШМИЛЬОВСКІЙ:

Кумъ Мудерець говорить про щастя.

Коли ишовъ я ще молодцемъ зъ Праги до дому, пустився я зъ пути на широке поле, абы вкоротити дорогу. Прійшовъ я на скошену луку, де въ тѣни вѣлки сидѣвъ на камени старый пастырь. У его нѣгъ лежавъ старый кудлатый песъ, а передъ нимъ паслося стадо овецъ. Поздоровлю я его а онъ звѣдає мене, вѣдки я йду. Кажу: вертаюся зъ Праги до дому. — Охъ тамъ есть дѣйсно гарно! — зѣхнувъ старецъ. Я не бывъ ще въ Празѣ и ледво до смерти я еѣ побачу. Сѣдайте, пріятелю, коло мене въ тѣни, одпочнѣть и розкажѣть менѣ про Прагу. Спочивши, подете потѣмъ скорше. — Я сповнивъ его волю и дѣйсно нѣколи потѣмъ не жалувавъ того.

Коли мы такъ сидиме и якъ найлѣпше собѣ говориме, прибѣгне зъ поля маленькій хлопчикъ, заплакавъ на весь голосъ и почавъ нарѣкати:

— Дѣдуню, дѣдуню!

Старець погладивъ хлопця по лицѣ и звѣдавъ его ласкаво:

— Что тобѣ сталося, хлопче, что такъ плачешь?

— О, — жалуется хлопец — я бѣгъ за такимъ краснымъ мотылемъ и вже скоро бывъ бымъ его имивъ, але онъ утѣкъ далеко отъ мене... О, такого чудового мотыля я вже нѣколи, дѣдуню, не зловлю.

— Не плачь, не плачь — успокоюе старецъ хлопця — ще нагодиться тобѣ другій, ще гарнѣйшій! Впрочѣмъ, коли будешъ бѣльшій, такой великій якъ твоій няньо и будешъ въ житю гонити за щастямъ, поведеться тобѣ часто такъ само, якъ нынѣ. — Хлопецъ впялить, здивованый, въ дѣдуня свои великѣ очи и звѣдае:

— Я буду гонитися за щастямъ, дѣдуню?

— Такъ, такъ, дитинко, за щастямъ, яке есть такожъ такимъ мотылемъ, якъ ты нынѣ задаръ за нимъ бѣгавъ. И великѣ люде такъ роблять и такъ само ловлять мотылѣ задаръ якъ и ты.

Недбаючи про то, что хлопецъ ледво его розумѣе, продовжавъ старецъ:

— Памятай, хлопче! Много людей бѣжитъ, ба навѣтъ падае за тымъ мотылемъ-щастямъ черезъ камѣня, ярки и ровы, не дбаючи о путь и часто приходитъ до нещастя: зломить ногу або вязы, або заблудить до краю, вѣдки не знае дороги назадъ, а мотыль, щастя, втѣкае имъ безслѣдно. Де якимъ пощаститься зловити мотыля, але часто, зловивши, зѣтруть гарнѣ барвы зъ его крылѣ и мотыль, якого зловили въ потѣ чола, не мае для нихъ жадноѣ вартости.

— И третимъ не ведеться лѣпше. Они по правдѣ зовлять щасливо и дуже обережно мотыля, але потѣмъ насилать его на иглу и сховаютъ до скринки за скло а дурнѣ йдуть дивитися на него. Про хосенъ, якій малобы имъ принести щастя, немає й бесѣды. Але працьовитый рѣльникъ, бачучи, якъ чудовый мотыль лѣтае въ золотѣмъ сонци понадъ полемъ, полюбуеся тымъ выдомъ и оставить его лѣтати далѣ; а самъ працное пильно далѣ и поле принесе ему стократный плѣдъ. И пильный рѣльникъ, хлопче, зо всѣхъ найщаслившій.

— Такъ отже не маеме глядати щастя? — звѣдаю старця, коли той замовкѣ.

— Немаеме, пріятелю, — одповѣвъ — але маеме пильно працювати, чтобы были мы сами собою вдоволенѣ, а зъ нашоѣ працѣ выростуть высокѣ дерева, зацвѣтуть и — мотылѣ сами прилетятъ и упадутъ на нихъ.

Хлопчикъ не розумѣвъ дѣдуневого слова, але я зрозумѣвъ его добре и благословивъ небо за то, что стрѣнувся я зъ дѣдунемъ и послухавъ его слова. Те слово зробило менѣ не одно добро въ житю.

МИКОЛА ЧЕРНЯВСКИЙ:

СЪЛЬСКИЙ ВЕЧЕРЪ.

Вернулась зъ степу череда,
Жене вѣвчаръ свою отару.
И сонце небо покида,
Згаса, ховаючись за хмару.

Помалу все село.
Народъ вечеряе на дворѣ.
Заносить сонъ свое крыло
И розгорѣлись въ небѣ зорѣ.

Идутъ зъ покосу косарѣ,
Въ село завидна поспѣшають, —
Идутъ, маячатъ на горѣ;
Дѣвчата йдутъ, — пѣсень спѣвають.

Одна упала, простяглась
На хвилю смугою ясною, —
На небо, кажутъ, поднялась
Душа тою десь добою.

Смеркае... Тихне на селѣ.
Одъ ставу вохкость подыхае.
Заходить зѣрка перша въ млѣ,
А заходъ сонця погасае.

Нечутно нѣчь зайшла кругомъ.
Народъ трудячій засыпае,
И золотымъ, яснымъ серпомъ
На небо мѣсяць выплывае.

Якъ бороняться звѣрята передъ ворогомъ.

(За С. Черкасенкомъ.)

Коли приглянутися ближе житю звѣрятъ, птицъ и комахъ, то спознаеме, что богато изъ нихъ не гине власною смертею, але одъ руки чоловѣка або одъ кохтѣвъ хижихъ звѣрѣвъ або стають поживою птицъ и другихъ комахъ.

Та кожде сотворѣня хоче жити хотъ мале хотъ велике. Знае оно, что доокола окружено оно непріязнымъ свѣтомъ, и тому кожде измагаеся оборонити себе передъ ворогомъ, або хотъ бы утекти.

Для того добре придаються птицамъ добрѣ крыла, звѣрямъ прудкѣ ноги, сильнѣ зубы, крѣпкѣ плавники й хвѣстъ. Но не завсѣгды на нихъ покладатися можна. Хотъ кто мае дужѣ крыла — а у ворога они ще сильнѣйшѣ; якѣ-бы не были у кого прудкѣ ноги — у ворога они ще прудкѣйшѣ; якѣ бы не были сильнѣ зубы — ворогъ мае ще сильнѣйшѣ.

А вже малосильнымъ сотворѣнямъ прійшло бы ся зовсѣмъ згинуту и не остати нѣ одному, коли бы природа имъ не помагала иншимъ

способомъ боронити себе якъ утечею. Суть звѣрята, якъ примѣромъ *черепаха*, котра немає анѣ острыхъ зубѣвъ, абы себе боронити, анѣ острыхъ кохтѣвъ, анѣ прудкихъ нѣгъ. Противно лѣзе поволи (и мы кажемо тому: лѣзе якъ черепаха) и здавало бы ся, вже давно черепашинъ рѣдъ згинувъ бы, коли бы не было еще иншихъ способѣвъ обороны.

Гляньте лишъ на неѣ. Все тѣло еѣ зверху и низу та и зъ бокѣвъ покрыте грубымъ рогомъ, котрый можемо назвати роговымъ панциромъ. Изъ пѣдъ того панцира выстають ноги, голова и хвѣстъ. Коли черепаха порушається, вытягае она голову и ноги изъ пѣдъ рога, а коли зайде небезпека, ховае ихъ пѣдъ панцирь. Бо якъ же еѣ утѣкати. Она сотворѣня неповоротливе, утѣкати не може и ледвы повзае по земли.

Подобныхъ звѣрятъ на земли бѣльше. Часто мѣсто рога мають колючки, якъ примѣромъ ижакъ, ящурѣ, або у водѣ раки, крабы та иншѣ воднѣ звѣрята, котрыхъ тѣло покрыте твердою кожою, звичайно колючою, або и цѣлковито острыми колючками.

Декотрѣ звѣрята рятують свое житя еще бѣльше незвычайными способами. Въ Америцѣ же одно невеличке звѣрятко. Оно трохи бѣльше одъ кота, тѣльки ноги у него коротшѣ. Зубы у него не страшнѣ а пазурѣ такожѣ. Здавало бы ся, что никто не лякавъ бы ся испередъ него. Тымчасомъ бояться его всѣ люде и звѣрѣ. Саме оно не полохливе, навѣтъ човѣкъ може подойти до него близько. Ось таке оповѣдавъ одинъ американецъ про тото звѣрятко: „Кухарка наша зауважала якось, что зъ льоху кѣлька день порядъ пропадае мясо. Она думала, что то кѣшка и позатикала усѣ дѣры. Але тымъ лихови не зарадила. Все повторялося то саме. Тогда кухарка постановила конче пѣдстерегти злодѣя. Разъ якось въ ночи пѣдслухала она шелестъ и пѣшла подивитися, что то таке. Она узрѣла тамъ якесь маленьке звѣрятко, завбѣльшки доброго кота. Голова у него бѣла, саме оно рудовате, писокъ подовгастый. Коли кухарка прѣйшла, оно собѣ сидѣло спокойнѣсенько и дивилося на ню. Кухарка не знала, что то за звѣря, тому кинулася на него и вдарила его палицею. Та не встигла она еще его и вдарити, якъ звѣрятко повернулося задомъ до неѣ и приснуло еѣ чимсь въ лице. Наразъ у льоху такъ засмердѣло, что годѣ было дихати. Кухарка не знала, куды пѣдѣтися одъ смороду. Она забѣгла до кухнѣ. Тамъ стрѣтилася изъ газдинею а та, почувши великѣй сморѣдъ одъ кухарки, почала утѣкати одъ неѣ. Сморѣдъ розойшовся по цѣлѣй хатѣ а кухарка не могла одъ него нѣ обмытися, нѣ обчиститися. Всѣ харчи мусѣла выкинути изъ льоху, бо засмердѣлися — а навѣтъ сама заслабла на кѣлька день.“

Тото звѣрятко прозвано справедливо — *вонючкою*. У него коло хвоста находятся такѣ мыхурцѣ, изъ которыхъ, коли треба боронитися передъ ворогомъ, брызгае свою смердячу течь.

Але еще цѣкавѣйше бороняться иншѣ сотворѣня якъ примѣромъ мотылѣ и гусенѣ. Они стараются быти зовсѣмъ непомѣтными для вороговъ. Всѣ мы знаеме, яке велике число поѣдають ихъ въ садахъ и лѣсахъ птицѣ.

Якъ такимъ сотворѣнямъ рятувати себе передъ загибилею? Декотрѣ изъ нихъ природно мають цѣлкомъ подобу до листа. Птицѣ цѣлкомъ на нихъ не позирають — бо начтожъ имъ ѣсти листья. Такѣ мотылѣ жиють собѣ спокойно и умирають власною смертею.

Подобно дѣся и съ гусеницами. Коли мы позераеме на голузку дерева, ничего интересного тамъ незамѣчаеме. Всѣ голузки однаковѣ тай тольки. Але торкнеме мы голузку, здивуемеса. Одинъ сучокъ еѣ заворушився. Приглянувшись ему близше, видиме, что то не сучокъ, але гусѣнь, котра прокинулася на сучка. Она тымъ способомъ охороняе себе одъ птицѣ, бо знае дуже добре, что они голузокъ изъ дерева не ѣдятъ.

Въ холодныхъ краяхъ жеі одинъ рѣдъ дикоѣ курки. Въ лѣтѣ, коли вся земля покрыта сѣрымъ мохомъ, пѣря на тѣй курцѣ такожъ сѣре; колижъ настане зима и земля покрываеся снѣгомъ, то й та курка перебираеся въ иншу одежду, она стае бѣла якъ снѣгъ. Се рятуетъ еѣ одъ вороговъ. Хищнѣ звѣрѣ легко еѣ не запримѣчаютъ и тому она хоронена своею мастею одъ нападѣвъ стрѣльцѣвъ та хижакѣвъ.

Такихъ примѣровъ можъ назбирати бѣльше изъ нашего окруженя. Та придивѣмся лишъ заяцеви-бѣлякови. Хибѣ онъ не перебираетъ свою одежду двѣчи на рѣкъ? Въ осени линяетъ и стае бѣлявый а на яри зновъ сѣрѣе. А добре всѣмъ звѣстна птица дятель? Дятель звычайно довбае своимъ дзюбомъ (клюкомъ) у корѣ дерева и глядаетъ тамъ для себе черваковъ. Онъ такъ занятый своею работою, что забываетъ про все и легко мѣгбы якійсь кѣтъ або другій хижакъ его изѣсти. Але передъ ворогомъ его хоронитъ масть его пѣря. Она все подобна до коры лѣсовыхъ деревъ, середъ которыхъ дятель жеі.

Якъ видно изъ примѣровъ бѣольшѣсть сотворѣнь має *захистну масть*, котра хоронитъ ихъ одъ ока ворога. Тота масть все така, яке есть окруженя, въ якомъ сотворѣня жеі.

Но тота захистна масть служить у декотрыхъ сильнѣйшихъ звѣрѣвъ не до обороны, але до нападѣвъ другихъ. Такъ примѣромъ пѣвничный бѣлошкурый ведмѣдь подобный все до снѣгу и леду, середъ которого

онъ же. Бѣла шерсть помогаетъ ему подкрадаться до морскихъ тюленѣвъ, котрѣ не могутъ скоро утѣкати и гинуть въ зубахъ ведмедѣвъ. Такъ отже природа помогаетъ всѣмъ сотворѣннѣмъ приоровитися до тыхъ условинъ житя, середѣ котрыхъ приходится имъ звычайно жити.

КОСАРѢ.

Выйшли въ поле косарѣ,	По обѣдѣ спочивали,
Чтобъ косити до зорѣ,	Потѣмъ косы поклепали;
До обѣду покосили,	О полудни гребли сѣно
Острѣ косы притупили,	И въ валочки клали щѣльно;

А у вечерѣ холодомъ
Клали въ копички рядкомъ.
Завтра треба рано встати
Чтобъ у стожечки покласти.
Якъ стожечки покончаемъ
По козацки погуляемъ.

Цапъ та баранъ.

(Народна казка.)

Бывъ собѣ чоловѣкъ та жѣнка. Мали они цапа й барана. А были они великѣ пріятелѣ: куды цапъ, туды и баранъ; цапъ въ загороду на капусту — и баранъ туды, цапъ у садъ и баранъ за нимъ.

— Охъ, жѣнко, каже чоловѣкъ, — проженѣмъ мы того барана и цапа, а то за ними нѣ садъ, нѣ городъ не вдержитися. — А забирайтесь, цапе й баране, собѣ съ Богомъ, чтобы васъ не было у мене въ дворѣ.

Скоро цапъ та баранъ тее зачули, заразы изъ двору майнули.

Пошили они собѣ торбу тай пошли.

Идутъ тай идутъ. Посередѣ поля лежитъ довча голова.

Отъ баранъ дужій, та несмѣлый; а цапъ смѣлый та не дужій:

— Бери, баране, голову, бо ты дужій.

— Охъ, бери ты, цапе, бо ты смѣлый.

Узяли въ двоухъ и вкинули въ торбу.

Идутъ тай идутъ, коли горить огонь.

— Ходѣмъ и мы туды, тамъ переночуеме, чтобъ насъ вовки не зѣбли.

Приходятъ туды, ажъ то вовки кашу варять.

— А здоровѣ, молодцѣ!

— Здоровѣ, здоровѣ!.. Ще каша не кипить, мясо буде зъ васъ...

Позлякались цапъ и баранъ. Цапъ роздумався и каже:

— А подай лишъ, баране, отую вовчу голову!

Отъ баранъ и принѣсь.

— Та не ту, а подай бѣльшу! — Каже цапъ.

Баранъ знова несе ту саму.

— Та подай ще бѣльшу!

Охъ, тутъ уже вовки злякались; стали они думати-гадати, якъ бы звѣдси утѣкати, — бо се кажутъ — такѣ молодцѣ, что зъ ними й головы збудешся. Видишь, одну по другѣй вовчѣ головы тягають.

Отъ одинъ вовкъ и починае:

— Славна, братя, кумпанія и каша гарно кипить, та нѣчимъ долить, — пѣйду я по воду.

Дожидае другій того тай ставъ думати, якъ бы звѣдси драла дати:

— Е вражій сынъ: пойшовъ та сидить, нѣчимъ каши долить; ось возьму я ломаку та прижену его якъ собаку.

Якъ побѣгъ, такъ той и не вернувся. А третій, сидѣвъ тай каже:

— Ось пѣйду я та ихъ прижену.

Якъ побѣгъ, такъ и радъ бывъ, что утѣкъ.

Та тогды цапъ до барана:

Охъ, брате, треба намъ поспѣшати та намъ отсю кашу доѣдати та изъ того мѣсця утѣкати.

По дорозѣ роздумався однакъ вовкъ.

— Е, чтобъ намъ трѣмъ та цапа й барана бояться? Отъ ходѣмъ мы ихъ поѣме, вражихъ сынѣвъ!

Прійшли, а тѣ вже добре справилися, уже поѣли, побѣгли тай на дуба вылѣзли.

Стали вовки думати гадати, якъ бы цапа та барана нагнати. Якъ стали ити и нашли ихъ на дубѣ. Цапъ смѣлѣйшій — вылѣзъ ажъ на верхъ, а баранъ несмѣливый — ставъ ниже.

— Отъ, лягай, — кажутъ вовки придурковатому вовкови, — ты старшій, тай ворожи, якъ намъ ихъ добывати.

Такъ лѣгъ вовкъ догоры ногамы й зачавъ ворожити. Баранъ на гилѣ сидитъ та такъ дрижить и боиться, чтобъ не упасти на вовка. Цапъ смѣливый не ставъ мѣркувати, але якъ закричить:

— Подай менѣ ворожбита!

Вовки якъ схватились, то ажъ пили по дорожѣ закурились.

А цапъ та баранъ зъ дуба безпечно позлазили та поѣшли. Зробили собѣ хату тай доси живуť.

ВЪ ОГОРОДѢ.

Ходитъ гарбузъ по городу

Пытается своего роду:

„Ой чи живѣ, чи здоровѣ

Всѣ родичи гарбузовѣ?“

Обозвалась жовта диня,

Гарбузова господиня:

„Еще живѣ, ще здоровѣ

Всѣ родичи гарбузовѣ“.

Обозвались огурочки

Гарбузовѣ сыны й дочки:

„Еще живѣ, ще здоровѣ

Всѣ родичи гарбузовѣ“.

Обозвалась морковиця,

Гарбузовая сестриця:

„Еще живѣ, ще здоровѣ

Всѣ родичи гарбузовѣ“.

Обозвались буряки,

Гарбузовѣ свояки:

„Еще живѣ, ще здоровѣ

Всѣ родичи гарбузовѣ“.

Обозвалась бараболя,

А за нею и фасоля:

„Еще живѣ, ще здоровѣ

Всѣ родичи гарбузовѣ“.

Обозвався старый бѣбѣ

„Я задержавъ увесь рѣдъ!
 Ой, ты гарбузь, ты перистый,
 Изъ чимъ тебе будемъ ѣсти?“
 „Миска пшона, кусокъ сала —
 Отъ до мене вся приправа“.

Забавы и игры.

(Веснянки.)

Подала Марійка Пѣдгорянка.

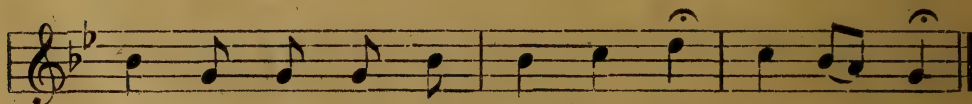
4. Журавель.

Дѣти роблять колесо и ходячи, всѣ спѣвають:

Allegretto. mf

Гей, по - ѣ - де - ме, гей, по - ѣ - де - ме,

гей, по - ѣ - де - ме въ лѣ - со - чокъ, въ лѣ - со - чокъ.

Гей, вырубаемъ дубочокъ
 Гей, зробиме си плужочокъ
 Гей, заореме ланочокъ
 Гей, засѣме конопель.
 Гей, а до моихъ конопель
 Гей, занадився журавель.
 Гей, а я тому журавлю
 Гей, прутомъ ноги подломлю.

Забава для хлопцѣвъ.

Хлопцѣ стають у кружокъ хребтомъ на вонъ и тримають отворенѣ жменѣ изъ заду. Одинъ бере на твердо скручену хустку (кестеманъ) или кусокъ мотуза и ходитъ около нихъ говорячи:

„Огень несу не видите
Кому даю не знаете“

и дае до рукъ тайно одному. Кто достане до рукъ, доти бѣе своего сусѣда изъ правого бока по хребтѣ, доки не оббѣгне доокола на свое мѣсто. Кто дававъ хустку (мотузъ), стае на мѣсто того, котрый доставъ ю. И теперъ, кто бивъ, тотъ зачинае около ходити и дае дакому до рукъ говорячи: „Огень несу...“

Вышнянскій.

ТИРИНКОВЫЙ ТАНЕЦЬ.

I.

Лемъ ты ся миленька добрѣ справуй, добрѣ справуй
Куплю ти тиринку делинову, делинову
Тра ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла
Тра ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла.

II.

Я ся мѣй милый такъ справовала, справовала
Дав' есь ми перстеньокъ стратила я, стратила я
Тра ла, ла, и т. д.

III.

Коли я въ поточку руки мыла, руки мыла
Перстеньокъ до воды упустила, упустила
Тра ла, ла, и т. д.

Изъ чеського переложила *Гелена Фытулъ.*

СОДЕРЖАНИЯ: Осипъ Маковей: Обжинкова пѣсня. (ст. 81.) — Иванъ Франко: Ворона и Гадюка. (ст. 81.) — Соняшникъ. (ст. 83.) — Капуста. (ст. 83.) — Рослины дармоѣды. (ст. 84.) — Борисъ Гринченко: Могутный комаръ. (ст. 85.) — А. Шмильовскій: Кумъ Мудерещъ говоритъ про щастя. (ст. 86.) — Микола Чернявскій: Сѣльскій вечеръ. (ст. 88.) — Якъ бороняться звѣрята передъ ворогомъ. (ст. 88.) — Косарѣ. (ст. 91.) — Цапъ та баранъ. (ст. 91.) — Въ огородѣ. (ст. 93.) — Забавы и игры 4. Журавель. (ст. 94.) — Забава для хлопцѣвъ. (ст. 95.) — Тиринковый танецъ. (ст. 95.)

Замовляйте для своѣхъ дѣтей новинку

„ВѢНОЧОКЪ“

для ПОДКАРПАТСКИХЪ ДѢТОЧОКЪ.

Позабавляться, потѣшаться и познають красоту
родного языка и своѣ милоѣ краѣнки.

Выходить мѣсячно и коштуе 12 Кор. ч. рѣчно.

Для себе замовляйте новинку

„ЗОРЯ“.

Найдете въ нѣ много доброго и поучительного
чтенія. Каждый русинъ и русинка, котрый знае
читати и писати, мусить ту новинку читати.

Выходить два рази на мѣсяць и коштуе для селянъ
10 Кор. ч. рѣчно.

Необхѣдно нужна каждому учителю, воспита-
телю и захоронницѣ ѣхъ новинка

„УЧИТЕЛЬ“.

Выходить разъ въ мѣсяць и коштуе 12 Кч. рѣчно.

Замовляйте и гроши посылайте на адресу:

Торговля книжками и паперомъ
„ЖДИМАЛЪ и ВЕТЕШНИКЪ“,
Ужгородъ, Варая улица ч. 32.

Oxford[®]

No. IDT411 RT

**If Slimtrim Fasteners are to be included, please specify.
Spécifiez si vous voulez des agrafes Slimtrim.**

Distributed by / Distribué par:

✠ ESSELTE CANADA INC.

